Николай Марчук

Кровь на камуфляже 2

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Днепровский котел

Николай Марчук
Кровь на камуфляже 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69978100
SelfPub; 2024

Аннотация

10 Отдельный десантный штурмовой батальон попал в окружение. Враг обложил плотно со всех сторон. Мышь не проскочит, капкан захлопнулся плотно. Вот только противник не подозревает, что это не он загнал 10 ОДШБ в ловушку, а сам попал в западню.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 21
Глава 2 42
Глава 3 59
Глава 4 75
Глава 5 97
Глава 6 113
Глава 7 132
Конец ознакомительного фрагмента. 133

Николай Марчук
Кровь на камуфляже 2

Пролог

Львовская область Украины, территория 16-й отдельной бригады армейской авиации ВСУ.

В большой комнате, где раньше располагался читальный зал библиотеки воинской части, было просторно. Из мебели: десяток столов-парт, старого, еще советского образца, примерно столько же жестких старых стульев, на одной из стен закреплено белое полотно для проектора, на потолке – установка, передающая изображение. Вдоль стены, что рядом с входной дверью свалены армейские рюкзаки, сумки и баулы. На передней парте стоит ноутбук, с которого и будет проецироваться картинка на белое полотно. За партами вольготно развалившись на стульях сидят хозяева жизни – элита английского армейского спецназа, бойцы 22-ого полка SAS. Еще месяц назад они находились на своей базе вблизи города Херефорд, который расположен на реке Уай в графстве Херефордшир и является центром этого графства.

Городок Херефорд по российским меркам небольшой – населения всего пятьдесят пять тысяч человек. Главной до-

стопримечательностью Херефорда является средневековый собор, строившийся на протяжении нескольких веков. В этом соборе есть драгоценная библиотека с книгами, который прикреплены цепями к полкам, а еще там есть самая большая средневековая карта мира. В Херефорде располагается тренировочная база SAS «Креденхилл», а также дислоцирован 22-ой полк SAS.

SAS (Special Air Service, специальная воздушная служба) – появилась в 1941 году, когда были образованы воздушно-десантные подразделения Британской армии, а в 1947 году стал частью Территориальной армии Великобритании, получив название 21-й полк (искусных стрелков) Особой воздушной службы. Формально в корпус SAS был преобразован в мае 1950 года. 21-й и 23-й резервные полки SAS, входящие в состав 1-й бригады военной разведки, также являются частью Особой воздушной службы и в настоящее время, но главным подразделением является теперь 22-й полк SAS, подчиняющийся непосредственно войскам специального назначения Великобритании. Британские спецназовцы отличились в 1980 году после того, как сумели взять штурмом иранское посольство в Лондоне и вызволить заложников.

Британские силы специального назначения были особенно активны в Сирии, куда они прибыли в 2012 году, чтобы помочь экстремистским группировкам, сражающимся против законного президента Башара Асада. В 2013 году они

были задействованы для определения военных целей в преддверии начала бомбардировок.

Полный список стран, где в той или иной форме действовал британский спецназ, также включает: Алжир, Эстонию, Францию, Оман, Ирак, Кению, Ливию, Мали, Кипр, Пакистан, Сомали и Йемен.

Спецназ из полков SAS и SRR британской армии и подразделений SBS ВМС Британии действует в непосредственной близости от линии фронта на Украине. Эти сотрудники служат ключевыми посредниками между разведывательными усилиями НАТО и украинскими силами. Они не воюют, но их руководящее влияние на деятельность украинского спецназа проявляется в диверсионных операциях, которые Украина проводила против российских железных дорог, аэропортов, топливных и других логистических узлов.

Британских спецназовцев много на Украине. Они разбиты на небольшие группы и разбросаны по разным воинским подразделениям ВСУ. В составе одной группы до десяти человек. Они специализируются на диверсионной и партизанской деятельности, а также имеют большой опыт вербовки и подготовки агентуры для работы на враждебной территории. В основном сейчас британцы занимаются подготовкой личного состава ВСУ, тренируя и натаскивая украинцев.

Одна из таких групп в составе семи человек и собралась в бывшем читальном зале библиотеки 16-й отдельной бригады армейской авиации ВСУ.

– Господа, я собрал вас здесь для постановки задачи, которую надо выполнить в кратчайшие сроки, – обратился к спецназовцам докладчик.

Выглядел докладчик среднестатистически, как сотни, а может и тысячи иностранных наемников и инструкторов, задействованных сейчас на Украине: камуфляж MultiCam, высокие черные ботинки, клетчатый шарф-арафатка на шеи, кобура-платформа на правом бедре, недельная небритая щетина рыжего цвета на лице.

– Вот здесь, в пяти километрах в глубине украинских позиций, в полном окружении находятся остатки российского подразделения, – докладчик вывел на белое полотно экрана карту местности. – Это 10 ОДШБ, по нашим сведениям, численность на данный момент составляет чуть больше стандартного, для российской армии взвода 30-40 бойцов, но не больше полусотни. Из вооружения у них легкое и тяжелое стрелковое вооружение: пулеметы, автоматы, гранатомёты, есть 120мм и 82мм минометы. Был еще танк Т-72 и два БМП-2, но они скорее всего уничтожены. Танк точно уничтожен, вот на фото с БПЛА его сгоревший остов, по БМП точной информации нет, возможно они находятся в подземных убежищах.

На экране появилась картинка предполагаемого места базирования российского подразделения: три земляные насыпи, которые обычно служат прикрытием для заглубленный в грунт подземных защитных сооружений, разваленные взры-

вами два бетонных здания, которые вполне себе еще неплохо сохранились и два десятка разномастных траншей и окопов, разбросанных на разном удалении от зданий. На фото была видна сожжённая и подбитая боевая техника: танк Т-72, БТР-80, бронемашина MaxxPro и несколько остовов легковых пикапов. Вся округа возле места базирования 10 ОДШБ изобиловала воронками разного диаметра: от совсем маленьких свойственных попаданиям минометных мин небольшого калибра 60мм м 82мм и до основательных ям, которые свидетельствовали, что сюда прилетало что-то внушительное 155мм и более.

– Ваша задача проникнуть внутрь и захватить живыми вот этих вот двоих российских солдат.

Докладчик клацнул кнопками ноутбука и на экране возникло изображение молодых людей.

– Вот это – сержант Валерий Пшонкин, позывной Псих, а вот это – сержант Семен Воршавин, позывной Бамут. О них нам известно, следующее: Пшонкин является командиром данного подразделения, награжден двумя орденами Мужества, медалью «За отвагу», Георгиевским крестом 3 и 4 степени, в совершенстве владеет английским и французским языком, выходец из семьи потомственных дипломатов. Второй, Воршавин – на войне с 2014 года, то есть с четырнадцати лет, уроженец небольшого шахтерского поселка на Донбассе, так же награжден двумя «орденами Мужества», медалью «За отвагу» и «За заслуги перед Отечеством». Оба бы-

ли представлены к званиям Героя России, но еще не награждены. Вот их вам и надо захватить живыми, остальных российских бойцов можно уничтожить. Сразу же отвечу почему именно их и почему именно живыми. Просмотрите короткий ролик.

На экране возникла заставка «Ю-туба», потом на экране появился английский гвардеец – один из туристических символов Великобритании. Он был облачен в сапоги и гладко выглаженную форму королевской гвардии Великобритании: ярко-красный мундир, черные штаны, золотые пуговицы и здоровенная меховая шапка. В одной руке у гвардейца был револьвер, а в другой кавалерийская сабля, у ног лежал окровавленный мешок, по очертаниям, которого можно было судить, что внутри находятся отрубленные человеческие головы. Гвардеец обратился к зрителям на английском языке, причем он начал издалека, с эпизода в истории Крымской войны 1853 года, о котором англичане до сих пор помнят, снимают фильмы, слагают стихи и пишут песни. Героическая, но катастрофическая по последствиям атака британской кавалерии под командованием лорда Кардигана на позиции Русской армии во время Балаклавского сражения двадцать пятого октября 1854 года.

Гвардеец разглагольствовал несколько минут проводя параллели между теми и нынешними событиями. Дескать, тогда цвет вашей аристократии полег под залпами русских пушек, вследствие неправильно отданных и понятых приказов,

и теперь простые британские подданные будут гибнуть только из-за того, что два года назад МИ-6 устроило теракты в Крыму, и русские теперь будут мстить.

После речи гвардейца появился сюжет с расстрелом группы вооруженных военных, которые метались под перекрестным огнем.

Видеоролик начинался с того, что одни военные, по вооружению, амуниции и голосам, было понятно, что они – британцы, подло бьют из английских L-85 в спины украинским военным. Потом крупным планом снопы минометных разрывов и «наезд» камеры на развивающийся британский флаг. Следующий сюжет: кинжальный огонь по британским воякам; крупным планом неизвестный боец, хладнокровно бьющий из пулемета длинными очередями и падающие на землю под свинцовым потоком британцы с винтовками L-85 в руках. Сюжет идет под завывания британской хеви-металгруппы Iron Maiden, которые исполняют свой сингл The Trooper. Песня написана по мотивам все той же атаки легкой кавалерии.

После стрельбы пулеметчика по мечущимся британцам камера показала, как лежащим на земле убитым военным отрубают головы, причем делают это не только топором, но и обычной штыковой лопатой.

Ну, а в конце текст стихотворения Альфреда Теннисона «Атака легкой бригады». В нем описывается, как круто погибли шестьсот англичан, вздумавших в лоб атаковать рус-

ские позиции под перекрестным огнем фланговых батарей.

В ролике скрыты лица бойцов, которые совершили такие чудовищные действия по отношению к подданым его Величества королевы Английской, на лица преступников наложены изображение медвежьих морд и лица, известных на весь мир Петрова и Боширова. Получалось, что на заднем фоне, на броне БРДМа маячат Петров и Боширов с автоматами АКС в руках.

В самом конце, в последнем кадре, который задержался на долгих шесть минут, список сотрудников английский спецслужб и их пособников, которые непосредственно участвовали в разработке и проведению терактов. Часть фамилий, были взяты в траурные рамки, что означало, что они уже мертвы.

– Вот тот, кто в мундире гвардейца его Величества – это Пшонкин, а тот, что стреляет из пулемета – это Воршавин. В ролике показан расстрел тренировочной базы ЧВК «Эринии», командный состав которой был сформирован преимущественно из наших с вами соотечественников. Конкретно в этом инциденте погибло одиннадцать подданых Великобритании, трое из которых были в прошлом вашими однополчанами, а один являлся родственником члена парламента Англии. Теперь вы понимаете, почему они должны быть захвачены живьем? Вопросы есть?

– Да, сэр, вопросы есть. Остальные на этом видео, особенно тот, что рубит головы, – поднял руку, сидевший за тре-

тьей партой спецназовец. – Он жив?

– Нет, это некто Станислав Крылов, первый командир, тогда еще 10 Отдельно роты. Он мертв. Погиб в бою с украинским батальоном «Готенланд», тогда была уничтожена практически всё это российское подразделение, выжило не больше десяти человек.

– А почему их тогда не захватили в плен? – задал уточняющий вопрос все тот же мужчина за третьей партой.

– Некому было захватывать в плен, в том бою был полностью разгромлен весь батальон «Готенланд», в живых остались лишь те украинские бойцы, которые сбежали с поля боя в самом начале сражения, они и рассказали о зверствах русских в отношении подданых Великобритании, остальные бойцы украинского батальона погибли в бою с российской 10 Отдельной ротой.

Докладчик, произнося эти слова говорил слишком пафосно, будто бы выступал не перед офицерами спецназа, привыкшим к цвету крови и запаху разорванных потрохов, а перед избирателями на выборах.

Тут надо пояснить, что ставящий перед бойцами SAS мужчина хоть и был облачен в камуфляж и военные ботинки, а на бедре в него висела кобура с увесистым пистолетом внутри и он даже носил офицерское звание, но в реальном бою этот человек никогда не был и скорее всего не будет. Он был армейским чиновником и бюрократом военного ведомства.

– Еще один вопрос, – подал голос невысокий крепыш с задней парты, – а почему нельзя их расстрелять с безопасной дистанции, а потом зайти на объект и пленить всех, кто переживет обстрел?

– Нет! – категорическим тоном отрезал докладчик. – Этих двоих надо взять только живыми и невредимыми, допускаются легкие ранения и средней тяжести. Они должны выдержать перелет в Англию и судебные разбирательства. Эти двое обязаны предстать перед судом его Величества и понести заслуженную кару! После того, что они совершили, они обязаны предстать перед английским судом. Один очень уважаемый джентльмен, хочет заглянуть в глаза убийцам своего кузена.

– Как получилось, что это подразделение оказалось в окружении? – хмурясь спросил спецназовец, сидевший за третьей партой. – Их довольно много, они могли пойти на прорыв, тем более, как я понял, то ребята там служат опытные.

– Они сами себя загнали в ловушку, – ответил докладчик. – Три дня назад этот отряд взял штурмом несколько опорных пунктов, но когда к ним не подошло подкрепление, то они почему-то не стали отходить в тыл к своим, а предпочли остаться на опорном пункте попав в окружение.

– Странно, – нахмурился офицер с третьей парты. – А сколько украинских бойцов защищали свои позиции?

– В общей сложности чуть больше роты. Российские во-

енные, как вы уже поняли не чураются поступать подло и коварно, особенно эти, – кивнул на экран докладчик, там как раз застыло фото, с красно-белым флагом, развивающимся над руинами одного из зданий. – Бойцы 10 ОДШБ пошли в атаку под флагом княжества Монако, вернее просто поехали на БМП без единого выстрела, чем ввели в заблуждение украинских военных, при этом они еще и переговоры между собой вели на французском и английском языке, поэтому их приняли за бойцов Международного украинского легиона.

– Интересные подробности, – неизвестно чему улыбнулся спецназовец с третьей парты. – То есть я правильно понимаю, что русский отряд численностью чуть больше взвода, предположительно сорок-пятьдесят штыков, с наскока взял украинский укрепленный опорный пункт, который защищали минимум сотня солдат ВСУ, в чьем распоряжении были пулеметы и минометы? И вся их хитрость состояла лишь в том, что они пошли в бой под красно-белым флагом, который состоит из цветов их стандартных опознавательных повязок? И всё?! Сколько при штурме потеряли россияне?

– Неизвестно, – пожал плечами докладчик.

– А почему украинцы до сих пор не отбили свои позиции обратно? Там ведь особого ума не надо: выкатил несколько танков и минометных расчетов, да долби без перерыва, пока мобильные группы подойдут к вражеским позициям. Что не так с этим российским отрядом?

– В первый день на их позиции провели две атаки, обе бы-

ли отбиты. ВСУ потеряли несколько пикапов, бронемашин и БМП. А потом бойцы 10 ОДШБ выложили в интернет ролик с обращением к российскому командованию, по этому ролику и был опознан Пшонкин, а в последствии и Воршавин. В своем обращении солдаты 10 ОДШБ выявили несколько фактов коррупции и предательства в рядах ВС РФ, которые произошли по отношению к их подразделению. После этого было решено оставить их в покое и не предпринимать к ним активных штурмовых действий, потому что все их дальнейшие видеообращения дискредитируют российскую армию и соответственно приносят пользу нам и нашим украинским союзникам. Позиции россиян были взяты в плотное кольцо окружения. Сейчас против них работают снайпера, минометы и расчеты ПТУРов. Противник держит активную оборону, агрессивно отстреливаясь, не подпуская никого к своим позициям.

– А до этого момента, где отметился 10 ОДШБ? – хмурясь спросил боец с третьей парты.

– Сперва, когда они были еще ротой, то совершали диверсии в глубоком тылу ВСУ, так, к примеру, сержант Пшонкин был награжден за подрыв комендатуры в селе Мускатное, который унес жизни сотни украинских солдат, включая десяток высокопоставленных офицеров. Первое их задание в составе батальона было – захватить переправы через Днепр в районе Новой Каховки в первые часы СВО. Последнее задание – оборона города Токмак, они держали свои позиции

две недели, выведя из строя полк ВСУ в полном составе, собственно говоря, именно претензии к своему вышестоящему командованию и стали причиной всех этих обращения через интернет с их стороны, – подвел итог докладчик. – Но это все неважно! Это всего лишь обычная пехота, не спецназ, не элита, вроде нас с вами, а простые пехотинцы, которые попали в окружение и сейчас ведут себя как загнанные в угол крысы. Надо отловить двух крыс, а остальных мерзких тварей уничтожить. И всего-то делов! Для выполнения поставленной задачи вам разрешено взять под свое командование те подразделения, которые вы тренировали в последнее время, так же на месте в том районе действует батальон ВСУ в неполном составе с танками и артиллерией. Этого более чем достаточно, чтобы выкурить взвод русских. При этом солдат ВСУ можете не жалеть, гнать под пули, если того требует выполнение задачи. Еще вопросы?

В зале повисло тягостное молчание. Докладчик ждал новых вопросов или какой-нибудь реакции от слушавших его спецназовцев. Бойцы SAS молчали, переваривая полученную информацию.

– Капрал выскажи наконец свои мысли вслух! – раздался раздраженный возглас от самого возрастного офицера в группе. – Я же прекрасно вижу, что у тебя голова пухнет от мыслей.

– Господин капитан, – игнорируя докладчика, обратился мужчина с третьей парты к седовласому бойцу без знаков

различия на камуфляже. – Позвольте мне высказать, как я услышал поставленную нам задачу?

– Разрешаю капрал, – кивнул головой седовласый капитан.

– Несколько лет назад небольшая группа российских вояк раскатала в пух и прах базу ЧэВэКашников, которые тренировали украинцев, судя по ролику, который нам показали, то россиян было не больше одного отделения, плюс пара 82мм минометов, при этом они смогли разгромить хорошо защищённый лагерь. Дальше: эти же российские военные, смогли каким-то чудом, пусть и ценой своей жизни уничтожить батальон ВСУ, превосходивший их по численности в пять раз. Потом из выживших солдат и пополнения, которые, я так понимаю, тренировали именно ветераны 10 Отдельной роты сформировали тот самый – 10 ОДШБ, который совершил рейд в глубокий тыл и захватил переправы через широкую реку, удерживая свои позиции до подхода основных сил. Что дальше? Оборона Токмака! Две недели упорных боев, за которые российский батальон смог перемолоть полк ВСУ. А под конец, сорок измученных, уставших, загнанных в угол «крыс», каким-то образом смогли взять опорный пункт на глубине пяти километрах за линией боевого соприкосновения, уничтожив сотню украинских солдат! Я ничего не напутал? И нам говорят, что это какая-то простая пехота? Серьезно?!

– Итог-то какой, капрал? – раздраженно скривился седо-

власый капитан, сидевший за последней партой.

– Я думаю, что русские специально сделали все таким образом, чтобы выманить нас. Видимо хотят захватить в плен бойцов SAS для последующего обмена на каких-то своих высокопоставленных лиц, находящихся в плену у нас или у американцев.

– Вы в своем уме?! – взревел докладчик. – Откуда русские могли знать, что мы направим группу элитного спецназа на штурм их позиций?! У вас паранойя капрал! Русские всего лишь очередные аборигены, дикари, которые по своей тупости не понимают, что мы, просветленные, цивилизованные люди несем им благо. Русские слишком тупы и богаты, они владеют такими богатствами, которые не заслужили. Понимаете?! Это просто тупые, грязные, вонючие дикари! Просто пойдите туда, приведите мне на веревке двух тупых русских баранов, а остальных хотите убейте, хотите оставьте в живых, мне плевать!

– Дикари не летают на сверхзвуковых самолетах и не рассекают морские глубины на подводных субмаринах с ядерными ракетами на борту, – буркнул себе под нос капрал.

Военный за третьей партой равнодушно скрестил руки на груди и презрительно поджал губы, глядел в окно. Седовласый капитан несколько минут молчал, нервно стуча шариковой ручкой по крышке стола, а потом недовольным тоном изрек:

– Поставленную задачу мы поняли, выполним её в тече-

нии двух недель.

– Надеюсь! – буркнул на прощание докладчик и хлопнув крышкой ноутбука вышел из помещения.

– Господа, – обратился седовласый капитан к свои подчиненным, как только дверь закрылась за докладчиком. – Задачу вы слышали. У вас сутки на сборы, с собой берем только лучших из лучших курсантов, не будем тащить с собой всех. Всем понятно? Вопросы есть?

– У кого-то кроме Ковальского есть вопросы? – седовласый капитан проигнорировал поднятую руку мужчины с третьей парты. – Нет? Отлично! Тогда разойтись! Ковальский ты останься.

– Сэр! – обратился капрал с третьей парты к капитану, когда помещение опустело и они остались вдвоем. – Русские не будут выкидывать такой фокус просто так.

– Я знаю капрал, но у нас есть приказ, и мы должны его выполнить. В конце концов, нас больше, численный и огневой перевес на нашей стороне. И подготовлены мы намного лучше. Справимся.

– «Калибрам» и мощным ФАБам плевать на уровень нашей подготовки, – скривился капрал.

– Ну, не будут же русские бомбить своих же, только ради того, чтобы уничтожить десяток английских спецназовцев, – усмехнулся капитан. – Подобные мысли, действительно попахивают паранойей.

– Они способны на всё, эти русские! – яростно прошипел

капрал. – Им плевать на свои жизни, они безумцы! Вся эта война настоящее безумие, мы катимся в Ад. На фронте это четко видно. А политики в тылу делают вид, что так и надо. Капитан вы же знаете не хуже меня, что когда приказ ставят политики, то ничем хорошим это не заканчивается.

– Вот тут я с тобой соглашусь капрал, действительно, если приказ исходит от политика, то это не к добру, но должен заметить, что и у русских всем верховодят политики. Так, что возможен вариант, что русский отряд оказался в окружении только из-за каких-то внутренних разборок между различными военными ведомствами и здесь нет никакого второго дна.

– Сэр на это только и надежда, не хотелось обосраться по полной и вернуться домой в пластиковом мешке.

Глава 1

«Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью».

Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен, канцлер Германской империи

Группа украинских вояк передвигалась короткими перебежками. Несмотря на темное время суток их прекрасно было видно в прибор ночного видения. Все-таки современная война, насыщенная различными техническими девайсами, превращает жизнь диверсантов и разведчиков в настоящий ад. Это раньше в прежние времена и былые войны, достаточно было бесшумно передвигаться на местности, желательно ползком, да уметь обманывать нюх сторожевых собак, чтобы проникать за линию фронта. А сейчас хрена лысого обманешь тепловизор, прибор ночного видения, направленный микрофон широкого спектра действия или сейсмических датчик. Умная техника повсюду, она видит, слышит и в некоторых случаях даже может унюхать.

– Ну, чё, минусуем? – шепотом спросил Бамут.

Пулеметчик видел укропов в ночной прицел снабженный тепловизором. Прицел был совмещен с пулеметом «Утес» и имел вынесенный, дистанционный спуск. Что давало воз-

можность пулеметчику сидеть поодаль от пулемета в сторонке, наблюдать за перемещениями противника на экране и в нужный момент нажать на клавишу начала стрельбы, держа при этом в другой руке кружку с кофе. Красота! Не огневая позиция, а сплошной курорт.

– Давай, – кивнул я. – Огонь!

Дух! Дух! Дух!

Крупнокалиберный пулемет «Утес» рявкнул короткой очередью. Быстрая правка и вновь короткая очередь. Вновь корректива и опять очередь на три выстрела. В ночной прицел бы виден полет пуль, которые по пологой траектории неслись к цели, поражая её на финальном отрезке.

Противник по ночам перебрасывал небольшие группы своих бойцов, надежно заковывая наши позиции в непробиваемое кольцо окружения. Если получалось как сейчас, то мы эти группы вычисляли и по мере возможности гасили укропов. А то понимаешь, ходят тут как по бульвару!

– Помогай! – рявкнул Бамут сдергивая «тело» пулемёт со станка.

Я дернул металлическую створку заслонки, перекрыл световой проем небольшой амбразуры, а потом еще и мешок с песком водрузил на штатное место, оставив только станок для пулемета на том же месте. Семен оттащил пулемет в сторону и спрятал его в специальную нишу.

– Валим! – тяжело дыша выдохнул напарник.

Вместе с Бамутом мы, низко пригибаясь рванули по тран-

шеи прочь от стрелковой позиции. Сверху траншея была накрыта досками и слоем грунта. Ход соединял закрытую огневую точку и заглубленный в землю капонир, где сейчас стояла наша БМП-2. Торчать возле огневой точки после удачной стрельбы по противнику чревато быть убитым вследствие ответного огня. Не стоит недооценивать противника, все кто этим грешил давно мертвы.

На войне есть свои правила безопасности, которые если ты хочешь жить, то надо беспрекословно соблюдать. Не будешь соблюдать эти правила – умрешь. Хотя тут и так не слишком много от тебя зависит. Прилетит неожиданно реактивный снаряд или бесшумная 60мм минометная мина из блядской «польки»… и пиздец, пакуй вещи и лети на облачко, чтобы там сидеть с арфой под мышкой, ну или добро пожаловать в чан со смолой к чертям на встречу. Куда попадешь после смерти зависит только от количества грехов в мирской жизни.

Добежали до капонира, дальше по очередному подземному переходу добрались до основного убежища. Позади не было слышно взрывов, значит на этот раз противник то ли не заметил откуда мы вели огонь по группе их военных, то ли просто решил не выказывать своих огневых точек. Потому что мы стреляли не только чтобы поразить украинских вояк, но, и чтобы вызвать огонь на себя и выявить вражеские огневые точки.

В глубоком подземном убежище, построенном еще в 70-

ые годы прошлого столетия было душно, но терпимо. За последние несколько дней мы привыкли к духоте и висящему под потолком табачному дыму. Курили парни много, во-первых, не было по их душу комбата Рыжика, который вечно гонял курильщиков, а во-вторых, в качестве трофея досталось полсотни блоков с «верблюдом». Вот парни и дымили в своё удовольствие.

Сидим мы в окружении хорошо: сыто, относительно безопасно, есть табачок, провиант, вода, медикаменты, оружие и боеприпасы. Даже средства связи и наблюдения за противником и те есть. Воюй, не хочу!

В первый день обороны, сразу же после бессонной ночи, когда нашу располагу попытались прощупать несколько разведгрупп противника, наши позиции укропы штурмовали два раза. Сперва пошли на ББМках при поддержке танка, чтобы посмотреть, что за бравые гвардейцы под флагом княжества Монако захватили их опорный пункт. Пехоты в общей сложности было около двух взводов.

В бою отличился Шут со своим экипажем на Т-72. Мы подняли в небо «квадрик», и я корректировал стрельбу танка с закрытой огневой позиции. Танк Шута отстрелялся на твердую пятерочку: укропский «пылесос» получил плюху в борт, ББМ, которые шли в колонне сыпанули в стороны и с перепугу налетели на свои же минные поля. Две сразу же подорвались, а две еще немного покатались по полю и тоже наехали на мины.

– Ничего себе?! Куда они прут?! Вот дебилы! Охренеть! Подрыв! – радостно комментировали смертельные покатушки вражеских бронемашин стоявшие у меня за спиной бойцы. – Есть, есть!!! Еще один в минус!

Украинские машины высыпали десант, который попал под огонь осколочно-фугасных снарядов, которые один за другим посылал во врага танк Шута. Из-за этой эйфории, которая царила в бункере, мы прозевали подлет вражеского БПЛА, которое зашарашело танк Шута в корму, повредив моторный отсек. Подскочившая БМП-2 эвакуировала экипаж танкистов, но с танком пришлось попрощаться. Через десять минут в него влетел второй украинский дрон, и наша бравая боевая машина сперва окуталась клубами дыма, а потом полыхнула огнем, детонировал БК и Т-72 превратился в груду металлолома.

Укропы видать поняли, что тут что-то не так и на их опорнике окопались не союзники под флагом княжества Монако, а самые настоящие российские вояки.

Второй раз в этот день, укропы сунулись на штурм после короткого артобстрела – минут тридцать постреляли из гаубиц Д-20 положив в наши позиции полсотни снарядов, а потом ведя беспокоящий огонь из минометов пошли вперёд штурмовые группы, которые под прикрытием минометного и артиллерийского огня подвезли на БМП.

Со второй волной украинский штурмовиков мы бодались часа два, но в итоге отогнали их от наших позиций, прав-

да пришлось пожертвовать одной БМП, которую вывели из капонира, чтобы она отработала по мельтешившим на заднем плане бронемашинам. Ну, а пехоту встретили огнем из пулеметов, минометов и ПТУРов. Положили около десятка укропов, с нашей стороны только три «трехсотых» и то всё, слава богу, легкие.

– Завтра нам всем пиздец! – грустно резюмировал паникер и пессимист Крест.

– Поглядим, – раздраженно хмыкнул я. – Балаклавы нацепили и встали группой, – приказал я, обращаясь к бойцам, находящимся в подвале. – У кого нет масок, пусть прикроют хари шарфами.

– На фейхоа? – спросил Глобус, глубокомысленно рассматривая трофейную бритву, которая должна была работать от батареек, но почему-то не включалась.

– Видео буду снимать, – пояснил я. – Надо записать видос, на котором мы буем жаловаться на горькую судьбу нашего подразделения, а заодно клеймить позором военных чиновников и бюрократов.

– Думаешь надо? – брезгливо поджав губы, спросил сержант Чехов.

– Надо! – твердо заявил я. – Пора перестать обороняться, надо переходить в наступление. Хватит, заебало всё!

Одно из самых тяжелых чувств, с которым человек сталкивается во время войны, это чувство собственного бессилия. Это чувство никогда не приходит в одиночку. За бесси-

лием следуют боль и страх. Ощущение собственной, уязвимости и неполноценности. Мы можем совершать множество абсурдных действий, в попытке доказать самим себе, а также окружающим, что можем контролировать ситуацию, но всегда приходит момент, когда ты понимаешь, что всё это – Конец!

На войне страшно! Постоянно, каждую минуту страшно. Со временем страх притупляется и уходит на задний план. Но есть страхи, которые постоянно сидят в голове солдата, находящегося на передовой. По крайней мере для меня и всех, с кем я общался именно эти три страха – самые живучие и не покидающие голову. Причем все эти страхи постоянно переплетаются между собой, клубятся как ядовитые змеи, шипят и пускают яд в твоей голове, отравляя психику, заражая её укусами безумия.

Артиллерия – это страшно. Во время ее работы ты ощущаешь себя голым. Кажется, что спрятаться негде. Смерть находится практически везде. Взрывы ухают, земля трясётся, осколки проносятся по окопам, комья земли сыплются с неба. А внутри у тебя все звенит и дрожит от страха. К этому нельзя привыкнуть. С мелким калибрам, типа 60мм и 82мм минометных мин, еще кое-как можно привыкнуть, но все, что больше – это жуть, к которой нельзя привыкнуть и спустя несколько лет проведенных на войне.

Плен – вероятность быть пойманным врагом вызывает большие переживания. Обычно это происходит, когда вы ра-

нены или оказались в изоляции на поле боя. В этом случае страшно становится не от самого факта оказаться в стане врага, а от того, что с вами сделают. Противник обозлен на нас, редко когда плен обходится просто побоями, холодом, голодом и не оказанием медицинском помощи. Могут быть пытки, издевательства и унижения – это ужасно! Могут задолбить насмерть, пихая в анальное отверстие черенок от лопаты, могут снимать на видео как насилуют, а потом скинут отснятое родственникам, коих быстро вычислять через социальные сети. Могут кастрировать.

Эти твари много чего могут…

Это страшно, поэтому солдаты и боятся плена. Настолько боятся, что, порой оказавшись отрезанными от своих в одиноком окопе и будучи ранеными, понимают, что могут обессилить и попасть в плен, то подрывают себя гранатами, даже когда противник еще далеко и близко не подошел и был шанс выбраться, спрятаться и добраться до своих самостоятельно. Дергаешь кольцо из гранаты, прижимаешь к щеке гладкое «яйцо» эРГэДэшки, чтобы наверняка убило, отпускаешь предохранительный рычаг… и умираешь. Зачастую погибнуть проще, чем пережить пытки плена.

Увечья – умереть на войне можно легко и быстро. Пуля прилетела, и вас нет. А бывают ситуацию, когда жизнь сохранятся, но вы получаете тяжелые ранения, благодаря которым возникает серьезная инвалидность. Когда мимо тебя проносили раненых с оторванными конечностями, то всегда

думал, что не дай бог и тебе что-то вот так вот размолотит и отчекрыжит! Спаси и сохрани! А если тебе приходилось тащить раненого, то ты его как мог успокаивал:

– Братан! Ноги – херня, главное хуй с яйцами на месте! Сейчас такие протезы делают, что как настоящие ноги – бегаешь, прыгаешь на них. Так что не бзди, жив остался и ладно!

Вот только раненый смотрит на тебя, кусает губы от боли и сквозь зубы материт и обкладывает хуями. Тоже мне нашелся успокоитель, сам-то вон на своих ногах идешь. Конечно, легко тут умничать, когда у самого все конечности целы.

Еще минуту назад ты бегал на обеих ногах, а тут – Бах! Взрыв и всё что ниже колен – кровавая каша, да и выше колен ноги сильно посечены осколками. Первая мысль – что с членом и яйцами! Почему-то именно за сохранность половых органов переживаешь больше всего. Хрен знает почему так, видимо природой так заложено, что мужчина – в первую очередь самец и оплодотворитель самок, а уже потом всё остальное. Вторая мысль – ноги! Мои ноги! Как я теперь буду жить? Как ходить, как бегать, как стоять? Как, черт возьми, в туалет ходить? Как?! И уже тебя тащат к пункту сбора раненых и тебя утешает боевой товарищ, что ноги херня, главное жив остался и мужские причиндалы на месте.

А ещё можно получить не физическую травму, а просто сойти с ума от всего происходящего на поле боя. Многие боятся слететь с катушек. Перспектива доживать жизнь де-

билом мало кого прельщает. Когда ты только попадаешь на войну и видишь вокруг себя ветеранов воюющих не первый месяц, то понимаешь, что с ними что-то не так, они какие-то не такие. Где-то на третий-пятый день пребывания на Войне (если повезло выжить) ты понимаешь, что с бывалыми, обстрелянными парнями что-то не так – бацилла войны поразила их, забрала их душу, навеки изменив человеческую сущность. И тебе суждено стать таким же как они, потому что иначе на войне не выжить, хочешь вернуться домой живым, то изменись, стань человеком-войны – homo bellum, если по латыни.

Эти страхи отравляют жизнь и туманят мозг, но со временем ты с ними справляешься и кое-как уживаешься, забывая на время про плен и увечья, даже сидя под вражеским артобстрелом и то каким-то чудом умудряешься провалиться в зыбкое забытье сна.

Это всё рассуждения интеллектуала и интеллигента, к которым я себя причисляю. А вот тот же Бамут, он же – Сёма Воршавин, он же – Мародер, он на такие загоны вообще внимание не обращает. Ему плевать на то, кто там как себя чувствует и из-за чего переживает, он понимает только одну истину, главное – это выжить. Правда тут есть один не маловажный нюанс, ему важно не просто выжить, а сделать это так, чтобы окружающие не считали его трусом и во время этого самого выживания он уничтожил как можно больше солдат противника. Именно солдат! Тут надо понимать,

что если под ствол его пулемета случайно попадет мирный житель Украины, то Бамут ни за что не нажмет на спусковой крючок. Сёма считает себя воином, а значит воюет только с солдатами. И я считаю себя солдатом и всё, кто сейчас находится на захваченном опорном пункте тоже считают себя солдатами. Это значит, что у нас свой кодекс. Пусть он в какой-то мере наивный и не понятный гражданскому обывателю, сидящему на диване перед экраном телевизора или монитором компьютера, он этот кодекс есть, и мы его чтим.

Сейчас наше подразделение – остатки 10 ОДШБ находятся в плотном кольце окружения. Противник повсюду. Окружили нас по полной, в два кольца. Мышь не проскочит. Идет пятый день круговой обороны.

На второй день осады нам с коптера сбросили «посылку» – упакованные в пенопласт хитроумные радиоприблуды, которые необходимо было интегрировать согласно прилагаемой схемы в оставшиеся в наследство от укропов американские сканеры и электронные девайсы.

Матерясь, шипя под нос ругательства и проклятия в адрес неизвестных мне производителей электроники и выслушивая советы от стоящих за спиной боевых товарищей, я кое-как справился с задачей. Спецаппаратура заработала и у нас появилась стабильная связь с неизвестным мне Центром, который выдавал материал для моих публикаций и видеообращений.

Наверное, вы хотите узнать, как мы оказались в окруже-

нии?

Никогда не угадаете! Даже не пытайтесь!

Нас не отрезали от основных сил, нас не заманили в ловушку, нас не окружили ночью, застав врасплох. Нет! Мы сами залезли в окружение, целенаправленно атаковав и захватив украинский опорный пункт. Действовали нагло и решительно, разыграв целое представление, убедив противника в том, что мы не отряд российских штурмовиков, а потерявшееся подразделение иностранных наемников, воюющих на стороне ВСУ. В радиоэфире специально общались на английском и французском языке. Повезло, что кроме меня двумя иностранными языками довольно сносно владел Глобус – пятидесятилетний доброволец из Крыма. Остальные бойцы «десятки» активно захламляли эфир польскими ругательствами, благо польский язык созвучен с остальными славянскими языками и такие слова, как: «курва» и «пердолить» надо всего лишь склонять, как душе угодно – вот и все польские маты. Скудно, бедно и убого, но противник на это купился, и мы смогли подойти на близкую дистанцию, вступив в прямой стрелковый бой с защитниками украинского батальонного опорного пункта.

Зачем нам надо было лесть в окружение? Так просто и не объяснишь. Тут такое дело, что наш 10 ОДШБ – прославленное боевое подразделение со славной, пусть и короткой историей. За плечами у нас несколько блестящих штурмовых операций, в которых наш батальон показал себя на отлично

и заслужил звание – «отдельного», то есть подчиняемся мы напрямую командованию данного участка фронта. Но в этом и беда нашего батальона, у нас, как бы это помягче сказать, нет «крыши». То есть кроме нашего комбата – майора Рыжикова, больше некому замолвить за нас словечко, поэтому в последнее время нас кидали в самую гущу событий, «сточив» батальон до минимума – в строю осталось всего десять процентов личного состава, остальные либо погибли, либо были ранены.

При этом вряд ли у вышестоящего командования был злой умысел, просто в этот момент противник активно наступал одновременно на нескольких направлениях, не считаясь с собственными потерями и надо было затыкать прорехи в обороне. Как потом выяснилось, на нашем участке обороны – северной окраине города Токмак, наши позиции брали штурмом несколько моторизированный бригад ВСУ и за две недели ожесточенных боев, нашему батальону удалось вывести из строя одну из этих бригад, уничтожив или отправив на больничную койку больше тысячи укропов. Получалось, что мы силами своего батальона вывели из строя полк ВСУ в полном составе. Сами мы при этом потеряли девяносто процентов личного состава. В строю осталось всего сорок бойцов, и то, почти каждый был легкоранен, перенося ранения «на ногах».

И вот тут комбат Рыжиков, отдал приказ к оставлению позиций. Приказ пришел весьма своевременно, потому что

следующий день вряд ли кто-то бы из нас пережил. Мало того, что у нас в строю остались жалкие остатки личного состава, так из тыла перестали поступать боеприпасы и не было поддержки артиллерии. Выходило так, что противника мы должны были встретить только огнем автоматов, пулеметов и ручными гранатами. А это, я вам скажу, верная смерть. В современной войне, которая развернулась на территории бывшей Украины большая часть урона с обеих сторон наносятся дальнобойной артиллерией и системами залпового огня.

Я знаю множество примеров, когда бойцы по обе стороны линии боевого соприкосновения провоевав по несколько месяцев ни разу не видели живого солдата противника в прорезь прицела автомата. Всё больше долбит арта, «Грады», САУ, танки и минометы разных калибров, ну и сбросы с беспилотников, и дроны-камикадзе, куда без них! А вот так чтобы, как в годы Второй мировой войны – перестрелки из автоматов, пулеметов и винтовок, такое больше редкость. Нет, на отдельных участках фронта, конечно же стрельбы хватает с избытком, но в основной те же пулеметы используются на предельных дистанциях – свыше километра, чтобы больше отпугнуть противника, чем поразить его.

Зачастую бывает и вовсе регулярный, беспокоящий огонь в сторону вражеских окоп, чтобы обозначить, что мы мол на месте, бдим и не фиг к нам соваться. У противника точно так же – высунут автомат из окопа, высадят «по-сомалийски» полный магазин в нашу сторону и дальше сидят в траншеи.

Но бывает, причем регулярно, причем с обеих сторон, когда вышестоящее командование решает, что мол, хватит сидеть в обороне, надо показать результат. Дескать, в обороне войну не выиграть и пора бы захватить чего-нибудь, хоть пару квадратных метров, хоть сфотографироваться на фоне дорожного знака при въезде в село.

И пошла движуха: саперы снимают минные заграждения, инженерные машины разминирования ползут вперед, «УРки» выплевывают длинные кишки зарядов дистанционного разминирования, артиллерия активно выпускает сотни снарядов в сторону вражеского переднего края, потом пехота верхом на БТРах, БМП и мотолыгах лезет вперед под прикрытием танков.

Противник не дурак! Он понимает, что начинается движ и заранее начинает обрабатывать вражеские тылы, где идет сосредоточение техники и личного состава. В современной войне ничего скрытно сделать нельзя, в небе постоянно висят десятки БПЛА различного размера и дальности действия, а еще выше в космосе – всевидящие спутники-шпионы. Это вам не Вторая мировая война, когда можно было спрятать целые дивизии в лесах, а потом молниеносным броском ударить в тех местах, где враг не ждет.

В современной войне всё иначе – противник всегда всё знает. И он знает, что мы знаем. Противник нас бьет, и мы его бьем! Он стачивает о наши линии обороны свои бригады и тактические батальонные группы и мы делаем тоже са-

мое. Враг бросает в бой все новые и новые подразделения, и мы делаем тоже самое. Как бой с тенью – ты делаешь взмах, противник повторяет за тобой, враг уклоняется от удара, ты повторяешь за ним.

Со стороны это кажется бессмысленным и пугающе непонятным. Как можно идти на штурм, прекрасно понимая, что противник знает о ваших намерениях и предпримет ответные действия? Идти на верную смерть? Вроде того! Но нюанс в том, что на верную смерть идут не те, кто планирует эту операцию, а генералы и политики, сидящие в относительно безопасном тылу. На смерть идут передние ряды штурмовиков, это их будут долбать из танков, пушек и минометов, это их БМП и БТРы будут рваться на минах, это их будут добивать сбросами ВОГов с БПЛА, это за ними будут охотиться операторы дронов-камикадзе. Это всё для них! Для пехоты переднего края!

Но не надо думать, что генералы в тылу кровожадные упыри, которым в радость уничтожить пару-тройку сотен человек. Нет, все не так. Просто генералы по-другому не могут. Нельзя выявить всех возможностей противника, не пожертвовав частью своих сил, нельзя приготовить омлет, не разбив яиц. Только вместо выброшенной в мусорное ведро яичной скорлупы – несколько взводов, а то и рот живых солдат и офицеров, которых дома ждут жены и ребятишки.

И вот когда кровавая каша заварилась по полной: одни наступают, другие обороняться, обе стороны кидают в топку

все новые и новые силы, тут и решается судьба общей зарубы, кто хуже подготовился, тот и проиграл.

И тогда одна из сторон победно заявит, что мол, глядите, граждане в тылу, а мы-то молодцы! Продвинулись вперед, аж на целых два километра, освободив половину населенного пункта, где до войны проживало, вы не поверите, целых семьсот граждан! Школы и поликлиники в этом населенном пункте не было, зато был магазин и автобусная остановка. А это вам не хухры-мухры! Это ого-го!

А вторая сторона при этом тоже победно заявит, что мол, вы видели? Видели? Да мы за две недели боев отошли всего на два километра, зато перемололи не меньше двух тысяч вражеских бойцов, а это не просто много, это да хрена! Это мы считай, переломали хребет всей вражеской армии! Нет, не две тысячи, мы же еще раненых не посчитали, а если с ранеными, то еще столько же, то есть четыре тысячи вражеских солдат вывели из строя!

Обе стороны довольны. Генералы вешают себе медали и ордена на грудь, ну и про солдатиков и офицеров не забывают, им тоже ордена и медали. Народ в тылу ликует, с экранов телевизоров им вещают, что победа уже близка, а враг почти разбит.

Но если взглянуть со стороны, то оказывается, что за две недели боев, обе стороны потолкались на пяточке площадью в шесть квадратных километров в серой зоне, угробив при этом в общей сложности, с обеих сторон не меньше десяти

тысяч человек в виде раненых и убитых.

А на ход войны, это по большому счету ника не отразилось. Как стояли примерно на тех же позициях, так и остались на них стоять. Часто решения командиров продиктованы только тем, что на них давит начальство, требуя результата.

Когда наблюдаешь дёрганые движения, итог которых тебе как военному человеку уже заранее ясен, видишь за этим только конъюнктуру, а не нацеленность на результат. Если звучит команда выйти на локальном участке на километр вперёд, то становится горько от "величия"такого замысла. Подумайте сами, что даст такой успех? Если вы пройдёте минные поля и переднюю линию, то дальше всё пойдёт гораздо легче. Накопите ресурс и действуйте, развивая успех, а иначе получается, что скорлупу вы разбили, а перед содержимым яйца остановились, при этом понеся потери. А противник тем временем получит возможность укрепиться. Вот в этом наша проблема: расслоение военного организма, при котором каждому слою присущи свои руководящие мотивы.

С нашим 10 ОДШБ произошла типичная для современной войны на Украине (сокращённо СВО) ситуация: командование приказало держать обороняемые позиции до конца, причем конец имелся ввиду буквальный – пока не закончится личный состав. Наш комбат Рыжик стал перед непростым выбором – либо он идет наперекор вышестоящему командованию и высказывает своё «фе», навлекая на себя ге-

неральский гнев, либо личный состав 10 ОДШБ стачивается до конца. Другого не дано, либо так, либо никак! Либо командир батальона остаётся перед светлыми очами генералов – молодчагой, не боявшимся перемолоть в фарш вверенное ему подразделение, либо его снимают с должности за правду-матку, сыплют щедрой рукой на его голову всевозможные кары, а в итоге еще могут и посадить за решетку. Тут как говорится выбирай, что тебе ближе к телу собственная рубаха(шкура) или жизни твоих подчиненных.

Рыжик выбрал третий вариант, он хотел, проскочить между капелек воды, чтобы и не прослыть трусом и подчиненных сохранить. 10 ОДШБ бился до последнего, две недели мы держали позиции вопреки всем прогнозам, но, когда нам перестали поставлять тяжелое вооружение, боеприпасы и поддерживать артиллерией, вот тут нас и прижало как следует, потому что одним стрелковым вооружением, гранатомётами, ПТУРами и легкими минометами много не навоюешь.

В строю остался каждый десятый и тот легкораненый. Рыжик всех записал в «трехсотые» и отвел остатки батальона в тыл. И вроде прокатило, и батальон не прослыл трусами и Рыжик не навлек гнев начальства на себя…но в дело вмешался злой случай, чертов рок Судьбы – в расположение, где мы зализывали свои раны и ждали транспорт для эвакуации прилетели вражеские ракеты. Правда, мы к тому времени успели покинуть расположение, и никто не пострадал, но бригада мотострелков-мобиков, оставшихся там, попала

под раздачу.

Во всем обвинили нас, дескать это мы что-то там не так сделали, а то и вовсе целенаправленно скинули врагу координаты цели для удара «HIMARS». Нас всех на тюремную шконку: Рыжика отдельно, сержантский состав отдельно, рядовых отдельно.

Вот так такие вот пироги!

Но на Руси ведь издревле повелось, что любой вопрос можно решить. Надо только уметь найти подход и чем-то заинтересовать государевых мужей. В итоге подход мы нашли, мужей государевых заинтересовали и пришли с ними к обоюдному согласию, итог которого устроил бы обе стороны.

Вот так мы и оказались в полном окружении, выполняя свою часть договоренностей. Если всё сложится удачно, то Рыжика выпустят из тюрьмы, восстановят в звании, нашему подразделению вернут прежний статус, ну, а к остальным бойцам 10 ОДШБ не будут применять никаких карательных мер и штрафных санкций.

Зачем нам, простым бойцам, это было надо? Могли бы не высовывать нос, посидели бы чутка в СИЗО, да оправились бы в тыл. Скорее всего, по шапке получил бы один комбат Рыжиков, всё-таки он командир «десятки» и значит ему за всё отвечать. Нас бы, просто разогнали по разным воинским подразделениям, некоторых и вовсе списали бы в «запас», а 10 ОДШБ признали бы негодным подразделением и списали бы его в утиль, благо, это не трудно, потому что речь идет

всего лишь о батальоне.

Вот и всё!

На хрена надо было городить такой огород: тайные переговоры, штурм вражеских позиций, самозагоняние себя в полное окружение и обречение на верную гибель? Ради чего всё это? Ответ прост: так надо, потому что по-другому мы не могли поступить! И тут, наверное, вы подумаете и с кривой усмешкой произнесете: «Псих не гони! Не надо нам тут лепить пафосных речей!». Если вы так подумали, то вы не понимаете простой истины: Война меняет людей, меняет раз и навсегда! Мы не могли поступить по-другому, потому что оставить Рыжика в тюрьме – значит предать его! Не попробовать отстоять честь 10 ОДШБ – значит предать имя нашего батальона и всех тех, кто погиб в его рядах. Пусть для вас это слишком пафосно и напыщенно, но для нас ветеранов «Десятки» всё по-другому, потому что есть вещи пострашнее смерти. Предательство, трусость, оставление боевого товарища в беде – всё это страшнее смерти. Потому что если ты умер, то с тебя и спросу никакого, а если предал, струсил и сбежал, то потом будешь всю жизнь себя корить, мучаться и проклинать, а в итоге, либо сопьешься и замерзнешь где-нибудь в сугробе, либо повесишься на кривой осине.

Лучше что-то сделать и даже если что не получилось, то быть уверенным что сделал всё что мог, чем ничего не делать и в итоге всю жизнь жалеть о своём бездействии.

Глава 2

Помню полгода назад, еще зимой, когда наш батальон находился в тылу, где мы обучали и натаскивали новобранцев, к нам частенько заезжали различные инструктора-теоретики, которые читали разные умные лекции. Я не против новых знаний, наоборот, считаю, что учиться и совершенствоваться надо везде и всегда. Но как по мне, то впитывать нужно только полезные и нужные знания, особенно на войне, где от этих знаний зависит не только твоя жизнь, но и жизнь твоих боевых товарищей.

Если бы я был бы главкомом, то поступил бы просто: взял бы ветеранов ЛДНР, которые сражаются с чубатыми с 2014 года, вроде нашего Бамута и сделал бы из них инструкторов, командиров низшего, среднего звена, а в некоторых случаях и высшего звена, чтобы взводами, ротами, батальонами и полками, вплоть до бригад командовали ветераны боевых действий на Украине. Поверьте мне, результат был бы виден сразу.

Нет, в армии России тоже очень много военных профессионалов, которые имеют богатый боевой опыт и у которых можно многому поучиться, но бывают попадаются «эксперты» в погонах, которые руководствуются методичками периода Второй мировой войны. Помню вышел у нас инцидент с одним таким докладчиком…

И так далее, на сколько хватит времени, гранат и чувства юмора. Надо помнить, что даже самый удачный прорыв всегда сопряжён с большими потерями. Поэтому лучше не допускать окружения вашего отряда силами противника. Но уж если до этого дошло – спасти вас и ваших людей могут только мгновенные, смелые и слаженные действия.– Если ваше подразделение попало в окружение, то в этом случае вас так же может спасти лишь молниеносность и решительность действий, применённых к знанию местных условий, – вещал «эксперт», стоявший за учительским столом. – Завязывать с врагами бой и быстро определить по густоте огня наиболее слабое место кольца окружения. Выделив из состава отряда две-три группы, вы приказываете им произвести отвлекающий манёвр в нескольких направлениях, имитируя прорыв. Это дезориентирует врага. Полезно будет, если он решит, что вы обалдели от страха и «ломитесь» из его окружения безо всякого порядка, кто как, под девизом «спасайся, кто может!» – враг расслабится. Как только ваши группы поднимут шум, основные силы идут на прорыв в заранее определённом слабом месте кольца. Атака проводится клином, на острие которого помещаются пулемёты, без оглядки, с метанием гранат и криками. Разорвав кольцо огнём, тут же уходите, по возможности прикрывая отступление естественными препятствиями. Если позволяет численность ваших людей и их состояние, можно устроить на бросившегося вдогонку противника ту же засаду. Можно прикрыть от-

ступление "дорожкой сюрпризов". Это гранаты на растяжках, поставленные вперемешку с "пустыми"растяжками. Например: граната – "пустышка"– "пустышка"– "пустышка"– граната – "пустышка"… и так далее. Враг, напряжённый первым взрывом, тщательно проверит одну-две следующие растяжки, расслабится – и попадёт на настоящую.

Докладчик монотонно бубнил себе под нос читая с разложенных перед ним на столе листков. В учебном классе сидело двадцать человек из числа наиболее опытных сержантов и старшин 10 ОДШБ. За окном сильный ветер метал снег по пустому плацу воинской части, в классе было тепло, а унылый бубнеж докладчика усыплял. Откровенно говоря, докладчик нес дикую чушь, нет, если речь идет о боевых действиях пятидесятилетней давности, когда не было вездесущего ока в неба, то можно было провернуть такой фокус, как описывал мужчина в военной форме с громадной кобурой на боку. Но сейчас, в современной войне, когда даже некоторые, не то, что роты и взводы, а даже стрелковые отделения имеют свои БПЛА, рассуждать о том, что можно запутать противника криками и отвлекающими прорывами в разные стороны, было не просто смешно, а преступно.

Какой к черту отвлекающий рывок двумя-тремя группами? Какие крики и броски гранат? Он это серьезно? Если в небе висят десятки вражеских беспилотников, который следят за тобой, минимум с трех сторон, то ни о каком внезапном прорыве речи быть не может. Интересно какого года ис-

точники, из которых списана эта лекция? Времен войны с Наполеоном? Кричать во время прорыва – это верный способ выдать свое местоположение и дать противнику возможность тебя убить.

Два года на войне приучили меня к тишине. Молчание – не просто золото, молчание = жизнь! На линии боевого соприкосновения противник порой бывает в считанный метрах от тебя и легко может расслышать не только громкую речь, а даже тихий шепот, щелчок предохранителя автомата и т.д.

А этот вещатель с трибуны, что-то нам рассказывает о криках во время прорыва из окружения. Серьезно?!

Я не сдержался и широко зевнул, громко щелкнув челюстью. Бамут, который каким-то противоестественным способом умел спать с открытыми глазами, встрепенулся от щелканья моих челюстей. Этот же звук услышал и докладчик, который тут же обратил внимание на мое зевание.

– А вам я погляжу молодой человек совершенно не интересна эта лекция? – притворно-ласковым голосом спросил докладчик и тут же без всякого перехода, как заорет. – А, ну встать, ёп твою мать, ты, что сержант совсем страх потерял?! Какого хуя тут зеваешь?!

Выглядел докладчик угрожающе: крупного телосложения, майорские погоны на плечах, АПС в деревянной кобуре на боку, рыжие американские ботинки на ногах и лихо заложенный под погон черный берет (достоверно было известно,

что к морпехам он никакого отношения не имеет). Плакатная внешность, сразу видно, что он прибыл сюда, чтобы показать себя и научить нас сиволапых премудростям теоретической военной науки. Причем зачастую, если не всегда, эти самые «военспецы» из тыловых штабов, принимали за норму громко материться и костерить почем зря не только простых солдат и сержантов, но и офицеров в различных званиях.

– Еще раз обзовёте меня или выскажитесь неподобающим образом про мою маму, царствие ей небесное, – спокойно встав из-за парты, произнес я, – я вам ваш пистолет в жопу запихаю и вот тогда вы поймете, что у ПМ есть весомое преимущество перед АПС – у Макарова ствол не такой длинный.

– Что?! Что ты сказал, выблядок?! – взревел докладчик, выдергивая АПС из деревянной кобуры.

Хряссь! Бамут швырнул свой ботинок в докладчика и точным броском выбил пистолет у того из правой руки, а метнувшийся, сидящий за первой партой, невзрачный щуплый мужичок, сбил бузотёра с ног, в мгновение ока выдернул у того поясной ремень и скрутил ему руки.

Семен проскакал на одной ноге к столу, подобрал брошенный ботинок и нехотя натянул его на ногу. Бамут снял ботинки перед начало занятия и сидел в одних носках все это время.

– Выдают всякое дерьмо, никак разносить не могу, – про-

изнес Бамут, – быстрее бы на фронт, хоть нормальной обувкой бы разжился.

Докладчика аккуратно связали, вызвали Рыжики и сдали его майору, объяснив, что данный субъект угрожал нам пистолетом, вследствие чего был утихомирен и не плохо бы его проверить на наличие запрещённых препаратов в крови. Комбат грустно вздохнул, угрожающее помахал нам кулаком, но приказал докладчика оставить с ним один на один в пустой аудитории.

Чем там конфликт дальше разрешился я не знаю, но этого дядьку с АПСом в деревянной кобуре мы больше не видели. И чего эти все офицеры из тыла так любят, находясь на передовой тягать при себе АПС? Фетиш у них что ли такой?

А если, по сути, то я вам скажу, что хороший, опытный сержант с боевым прошлым стоит двух-трех необстрелянных капитанов, десятка лейтенантов и хрен знает какую кучу майоров с полковниками.

Сейчас находясь в полном окружении в компании своих боевых товарищей, числом не более полсотни рыл, я чувствую себя в большей безопасности, чем если бы я здесь оказался в составе полного батальона или полка, но состоящего не из опытных сержантов и старшин, а к примеру, из переброшенных из тыла новобранцев или контрактников, не имеющих боевого опыта.

Сержант – самый главный человек на войне. Сержанты, они ведь не просто составляют костяк армии и чаще всего

осуществляют управление и являются командирами отделений, орудий, минометных расчетов и боевых машин. Сержанты – это хребет армии, её основа и дух.

Известнейшие полководцы и властители видели в сержантах основу, «становой хребет» армии и проявляли глубокое уважение к ним. Это можно ощутить в высказываниях Наполеона: «Египет пал к ногам не генералов и консулов, он покорен гражданином республики, а лучшие из граждан республики – мои капралы…» Павла I говорил: «Моя армия начинается с унтера, живет в унтере и побеждает унтером».

Военная история содержит множество примеров воинской доблести младших командиров. Однако их роль состоит не только и не столько в личной храбрости и лидерских качествах на поле боя. Основное содержание и главная задача каждого из сержантов и старшин – воспитание и обучение подчиненных.

В Русской армии и на флоте нижние чины были промежуточным звеном между офицерами и солдатами, унтер-офицерам и старшинам отводилась главная роль в превращении новобранца в воина. В строевых частях пехоты, в кавалерии, артиллерии, инженерных войсках, равно как и в экипажах флота, исключительно они занимались обучением и воспитанием солдат и матросов. Нижние чины непосредственно готовили рядовых, особенно новобранцев, к воинскому строю, выполнению различных служебных обязанностей, к действиям в боевых порядках. Наделение унтер-офицеров,

сержантов и старшин столь значимой ролью в деле подготовки молодых воинов обосновано логикой их положения в управлении боем. Ведь именно через них осуществлялось руководство элементами боевого порядка. Так, с опорой на десятских командиров были организованы армия Спарты и армия Александра Македонского, так строились вооруженные группы в воинстве монголов и именно так, от уровня десятников, была отлажена организация казачьих округов в России.

Опять же из сержантов потом получаются старшие сержанты, старшины и не к ночи будет сказано – прапорщики. А эти уже могут и цельный взвод в бой вести. Хотя взвод в бой вести могут и сержанты, причем не только взвод, но и роту, батальон и даже полк!

– Петрович, ну, какой на фиг полк? – скривился я, подсматривая что пишет Глобус в боевом журнале. – Ты уж палку-то не перегибай.

– Псих, ты меня сам назначил вести журнал боевых действий, поэтому теперь не лезь. Как хочу, так и веду.

– Блин, Глобус, ты превратил серьезный документ в какой-то художественный боевик! – возмутился я. – Нет, я понимаю, что твоя фамилия Чехов и она как-бы обязывает хорошо писать, но ты уж палку не перегибай.

– Как могу, так пишу, не нравится, сам веди боевой журнал, – категорично отрезал Глобус.

– Ай, пиши уже, – обреченно махнул я рукой.

Надо отметить, что писал Петрович хорошо, когда я мельком через его плечо прочитал написанное, то всегда дочитывал до конца. Перед глазами сразу же вставала картинка и был полный эффект присутствия, что говорило о писательском таланте Глобуса. Но если он продолжит таким же темпом «лить воду», то ЖБД – журнал боевых действий превратится в «Санта-Барбару». Сейчас идет только пятый день обороны, а он уже исписал треть толстой тетради формата А4 на 96 листов.

– Между прочим многие даже не знают, что это за зверь такой в военном и штабном деле – боевой журнал, – нравоучительно выставив указательный палец, заявил Глобус. – Для тех, кто не знает, скажу – это важнейший инструмент штабной работы, фиксирующий всю историю воинской части или соединения, ее опыт, как боевой, так и мирного времени. А главное его значение – аккумулирование этого опыта для последующего изучения. А изучение опыта – это важнейшая часть военной науки. Резюмируя, скажу, что своевременное и правильное заполнение ЖБД есть показатель высокой штабной культуры в любой армии.

– Красиво сказал! – учтиво поддакнул Кок, ставящий перед Глобусом тарелку с пловом. – Товарищ комендант, снимите пробу, пожалуйста.

– Минуточку, – не глядя в тарелку, буркнул Петрович, дописывая что-то в журнале. – Сейчас сниму пробу.

Петрович у нас теперь не только писарь и ответствен-

ный за ведение ЖБД, он еще и комендант нашей крепости. На нем вся хозяйственно-тыловая составляющая обороны. Включая не только быт, но и кухню. Тут надо отметить желающих было много, но Глобус волевым движением и крепким матом задвинул всех соискателей контролировать кухню на задний план. Старший сержант Чехов был редким по своей натуре человеком: самодисциплина, трезвый взгляд на жизнь, мастер на все руки, хозяйственный и одновременно с этим очень живой и отзывчивый. Он был не просто хозяйственником, который тут же навел порядок на захваченном украинском опорном пункте, проведя ревизию и поставив на учет все захваченные трофеи, он находил подход и добрые слова для всех, кто был рядом. В общем идеальный комендант и тыловик.

– Псих, – кивков головы отозвал меня в сторонку Кок. – Псих, тут такое дело, – как-то маясь отвел в сторону взгляд повар, – можешь меня с собой взять на следующий боевой выход?

– Зачем? – насупился я.

– Хочу! – как-то резко, с вызовом произнес Кок. – Задолбало возиться с кастрюлями, хочу врагов бить! Возьми, а?

– Кок, братан, ты чего? – удивленно вскинул я брови. – У тебя же есть медаль «За отвагу». Тебе доказывать не надо ничего. Я видел тебя в бою, ты никогда не трусил. Ты чего?

– Да, ничего, – раздраженно буркнул Кок. – Просто возьми с собой на боевой выход!

– Плов отличный, впрочем, как всегда, – влез в разговор Глобус. – Степанов ты иди к себе, а я с Психом твой вопрос обговорю и в ближайшее время дам тебе четкий ответ.

Кок тут же просветлел лицом и забрав тарелку убыл на камбуз, так он называл свой закуток, где готовил еду на газовой плите. Я ж говорю, Глобус у нас не просто комендант, а еще и штатный психолог. Такому можно простить и некие литературные отступления при ведении журнала боевых действий. Тем более, что писал Чехов действительно хорошо, хоть порой и приукрашивал действительность.

– Это где это я приукрашиваю действительность? – насупился Глобус.

– Как, где? – всплеснул я руками. – Кто написал, что мы в первый день поразили вражеские «бредли»? Они, между прочим, подорвались на своих же минах. Так, что мы здесь не причем.

– Ну, так, а я, что против? У меня в журнале четко написано: *«…вечером, 2 июня, командой из шести бойцов были установлены минные заграждения. Утром 3 июня, враг, при попытки подойти к нашим позициям подорвался на минах. Были уничтожены два БМП М2 Брэдли, одна БМП-1, танк Т-64 и бронеавтомобиль неизвестного производства…»*, где я написал, что это мы их уничтожили?

– Правильно, но у читающего складывается впечатление, что «бредли» подорвались на наших минах, потому что у тебя написано про постановку мин и сразу же про подрыв на

них. Понимаешь?

– Я понимаю, но нет же записи, что «на этих минах»или «нами уничтожены». Правильно? Значит я ничего не сорвал. Короче, Псих, мне лучше знать, как вести бухгалтерию. Сам потом спасибо скажешь, когда будем на всех получать материальные выплаты за подбитую технику. В конце концов, не мелочись, укропы ехали нас атаковать? Нас! А то, что они тупые и подорвались на своих же минах, так кто им доктор? Ты, вообще, за чем приходил?

– Изолента нужна и обжим для проводов. Есть?

– Да, вон на том стеллаже, – показал рукой Глобус.

– Спасибо.

Вот за это я и уважаю Петровича, что у него все на своем месте. Надо тебе изолента? Вот, она пожалуйста! Нужен инструмент? Вот, пользуйтесь! В войне побеждает тот, у кого крепкий тыл. В нашем случае, тыл – это Петрович.

А это значит, что мы победим в этом бою…надеюсь, что победим. А то ведь нас могут откалибровать и свои же, особенно после тех материалов, которые я выкинул в сеть вчера. Мы ведь здесь на просто так оказались в окружении за линией фронта. Это мои боевые товарищи думают так, а на самом деле, у нас, а вернее, только у меня есть еще одна миссия. Возможно, она даже более важная, чем уничтожение вражеской техники и живой силы. Речь идет о выкладки в общий доступ сведений, свидетельствующих о коррупции в оборонном ведомстве.

Все для фронта, все для победы – главный девиз тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны. Без их поддержки, в принципе, невозможна никакая победа. Но есть проблемы. Не катастрофические, однако требующие незамедлительного решения. Мы не сможем победить фашизм, не одолев главного врага в тылу – коррупцию.

На каждой единице военной российской техники «навар» получают десятки посредников. И все это знают. И воспринимается все, как должное, к сожалению. В условиях войны это недопустимо. Необходимы жесточайшие меры в борьбе с коррупцией. Китайская практика показала, что расстрелы коррупционеров очень хорошо поднимают уровень порядочности и патриотизма среди топ-менеджеров и чиновников. Почему бы не перенять этот опыт? И народ поддержит. Жестко? Но иначе сейчас нельзя.

Но это все лирика. Первоочередная задача для нашего подразделения, оказавшегося в глухой блокаде и полном окружении, все-таки выжить и продержаться минимум две недели. Причем, нам надо не просто так сидеть, забившись в укрытие, нет это было бы слишком легко. Нам надо активно обороняться и контратаковать, иначе мы не расшевелим этот муравейник.

– Сержант Пшонкин, – позвал меня Глобус, – хочешь анекдот расскажу?

– Давай, – пожал я плечами, сматывая провода на СВУ, которое через пластиковые хомуты, потом прикреплю на

дрон.

– Командир роты, вызывает сержанта, – начал Глобус. – И говорит ему: «Ты там сообщи Иванову, что умер его отец. Тока помягче, пожалуйста…» Сержант выстроил солдат на плацу: «Так, у кого отцы живы – три шага вперёд!!! Иванов, мля!!!! Ты то куда прешься??!!»

– Ха-ха-ха! – дружно заржали сидящие рядом Гвоздь и Джокер, которых я назначил себе в стажеры по обучению на операторов дронов.

– Смешно, – довольно цокнул я языком. – А в чем цимес? Ты же мне не просто так этот анекдот рассказал.

– Смысл в том, что надо смотреть на вещи ширше, а к людям относиться проще, – понизив голос до шепота, произнес Петрович.

– Не понял? – нахмурился я.

– Сбавь обороты Псих, нельзя пацанов держать в постоянно узде, надо быть гибче. Ну, хочет Кок пострелять по укропам, ну сделай ему приятно, возьми с собой, ткни пальцем в кусты, крикни, что типа там укропы скрытно подобрались, пусть пацан постреляет в своё удовольствие. Он же безвылазно сидит в своем закутке и готовит в одиночку на всю нашу ораву без перерыва. Ему просто надо как-то пар выпустить, чтобы котелок не разорвало. Понимаешь?

– Да, – буркнул я. – Ты психологом не хотел работать на гражданке?

– Нет, мне и так забот хватает, вот когда станешь как я

многодетным отцом, тогда меня и поймешь.

– Глобус всё хотел спросить, а откуда ты так хорошо иностранные языки знаешь?

– Матушка моя родилась за границей, во Франции, в СССР её привезли родители, они были потомками эмигрантов, а батя мой, царство ему небесное, был военным советником и не вылазил из командировок по Африке и Азии. Матушка свободно разговаривала на французском и английском, она в детстве меня к языкам и приучила, порой, целыми днями со мной разговаривала исключительно на французском. Вот так и я выучил языки.

– Отец погиб в командировке?

– Ага, где-то в Африке в 80-ых, нам его останки в «цинке» спустя несколько лет после смерти привезли.

– Соболезную.

– Спасибо, но я отца толком и не знал, даже особо не помню, он все время был в разъездах. И географию я так хорошо знаю, только потому что всё детство и юность себе представлял, что отец жив и где-то сейчас в Африке или Азии находится, мечтал выучится на дипломата и объездить весь мир, чтобы отыскать отца. Хоронили его в закрытом гробу, лица нам не показывали и матушка, всё думала, что внутри пусто, а батя мой где-то в секретной командировке о которой семье знать не положено. Я когда студентом стал, даже художественную книгу написал про похождения бравого капитана в Африке, – каким-то мечтательным тоном заявил Глобус.

– Книгу? – удивленно присвистнул Бамут, сидящий рядом. – Охренеть, а как называется?

– «Вольные стрелки». Это было в конце 90-ых, мне тогда еще двадцати не было, тогда, вообще, легко было издаться. Но суть не в том, после того как моя книга появилась в продаже на меня вышел один из бывших сослуживцев отца и рассказал, что тот погиб при непонятных обстоятельствах, дескать его отравили британские агенты, потому что мой батя должен был возглавить очередное восстание или государственный переворот в одной из африканских стран и было это не в 1983, а в 1981 году. Короче, так я и не узнал, где и когда погиб мой отец, но то, что он умер где-то в Африке в начале 80-ых – это однозначный факт. После того разговора, у меня как-то приоритеты в жизни изменились,я бросил ВУЗ, ушел в армию, попал на вторую Чеченскую войну, а потом уже после дембеля, как-то само собой вышло, что стал работать сам на себя индивидуальным предпринимателем, – грустно вздохнул, закончил свой рассказ Глобус.

– А я рад, что так все вышло, – неожиданно для себя заявил я, – сложись жизнь иначе, то ты бы Глобус здесь точно не оказался бы. А без тебя нам хреново бы пришлось.

– И вам сынки спасибо, – грустно улыбнувшись ответил Петрович, – спасибо, что не зассали, как некоторые ваши сверстники, не сбежали в Грузию или Армению, а взяли в руки оружие и пошли Родину защищать. Какая бы она хреновая не была эта Родина, как бы вас не гнули и не били

её должностные лица, но Родина, она, как мать – одна всю жизнь и её надо защищать.

Вот в этом весь Глобус, как не поверни разговор, но последнее слово всегда за ним и черт возьми, весьма приятное слово. Прям не Глобус, а самый настоящий замполит.

Глава 3

Ножовка по металлу вгрызлась в корпус «морковки» – кумулятивной гранаты ПГ-7В от противотанкового гранатомета РПГ-7. Взрыватель у гранаты отсутствовал, поэтому пилить корпус было почти безопасно. Если бы создатели кумулятивных гранат или умные военные чиновники видели бы сейчас что мы с Гвоздем делаем, то у них бы глаза на лоб полезли. Но практичная сноровка и смекалка на войне – это дело такое, обычно противоестественное для критического тылового взгляда. По крайней мере мне не доводилось видеть ни одной инструкции к РПГ-7, где бы показывалось как из самого распространенного боеприпаса к гранатомету – кумулятивной гранаты, сделать фугасный заряд.

А надо всего лишь сделать небольшой надпил на корпусе кумулятивной гранаты, потом еще один и еще, получается небольшое «окошко» размером чуть больше спичечного коробка. Взору открывается внутреннее убранство гранаты, а именно пустота кумулятивной воронки, благодаря которой и образуется струя раскаленной меди, способная, как спица протыкать броню.

Вот в эту самую воронку, я сейчас напихаю пластичное взрывчатое вещество, которое «эксперты» обычно называют пластитом или пластиковой взрывчаткой, а казенный армейский язык зовет просто и незамысловато – ПВВ-4.

Пластит негигроскопичен, нерастворим в воде, представляет собой однородную тестообразную массу светло-коричневого цвета, легко деформируется усилием рук, что позволяет изготовлять из него заряды произвольной формы. Пластичные свойства сохраняются в широком температурном диапазоне, позволяющим с ним комфортно работать не только в Якутии, но и в Сахаре.

Пластита у нас несколько ящиков, расфасован он в килограммовые брикеты, замотанные в бумагу. Я достаю липкий «пластилин» и запихиваю его внутрь кумулятивной гранаты через выпиленное окошко, плотно трамбуя пальцами.

– Надо хорошенько его трамбовать, чтобы не было свободного пространства, – комментирую я свои действия, объясняя, как из обычной кумулятивной гранаты сделать фугасную.

Передо мной сидят «маслопупы» из команды Шута, «мазута» оставшаяся без танка и одного БМП. А поскольку танкисты перешли в разряд пехоты, то надо поделиться с ними своим опытом и знаниями. Шут и остальные безлошадные «маслопупы» внимательно следят за моими манипуляциями. Сперва они, конечно, напряглись, видя, как я ножовкой курочую кумулятивный снаряд, но после краткого объяснения немного расслабились, но все равно изредка бросали на меня опасливые взгляды.

– Противник, услышав характерное жужжание, зачастую занимает укрытие. После удара по нему, вражеская пехота

не всегда теряет способность к сопротивлению и выкурить ее оттуда бывает очень сложно. Тогда и применяется коптер в связке с кумулятивной и газовой гранатами, – я показываю, как лучше всего прикрепить к дрону-камикадзе, не только кумулятивную, но еще и газовую гранату. – Не все имеют противогазы, не все успевают их надеть и потому со слезами на глазах выходят на свежий воздух. Вот такая история. И главное в ней – сделать правильные выводы. Противник тоже работает по схожей схеме. Оттого важно действовать хитрее и лучше.

– А не проще, просто взять брикет «пластита» и сразу вставить в него взрыватель? – спросил мехвод танка с позывным Хаван. – Зачем мудохаться с кумулятивной гранатой?

– Проще, – кивнул я. – Но тут есть небольшая хитрость. Если противник успел углядеть что в него летит дрон с брикетом взрывчатки, то он заныкается по полной, а заметив, что дрон снабжен только кумулятивной гранатой, может просто лечь на дно окопа, ведь струя раскаленных газов, не так страшна на открытой местности. И тут ему ба-бах, нежданчик! Опять же пластид надо экономить, не фиг расходовать килограмм, когда и трехсот грамм хватит с головой.

– А как в полете себя ведет такая граната? – задал самый правильный вопрос Шут.

– Она тяжелее обычной кумулятивной гранаты, поэтому летит не так далеко, но самое главное, это не нарушить внешнюю структуру гранаты – на корпусе ничего не должно тор-

чать. Поэтому выпиленный кусок оболочки, либо отрываете на фиг, либо заворачиваете вовнутрь, а отверстие потом закрываете армированным скотчем, – я тут же залепил выпиленное окошко несколькими мотками серебристого скотча. – Ну и по намотке скотча вы всегда будете видеть какую гранату в вашем арсенале модернизировали. Ясно?

– Да, – нестройным хором ответили «маслопупы».

– Тогда валите к Жаку, он проведет с вами занятия по прикладной полевой медицине, – размашистым жестом руки я отправил шестерых бойцов на следующее занятие. – Хоть научитесь правильно жгуты и турникеты накладывать.

Мы хоть и находимся в полном окружении, вдали от непосредственного командования, но жизнь бойцов привязана к расписанию по несению боевых дежурств, обучению и тренировкам. Свободное время есть, но оно тоже весьма условно «свободное»: бойцы обустраивают свой быт, процесс этот кажется нескончаемым, потому что жить сносно, нет, не по меркам мирного времени, а просто, чтобы чувствовать себя человеком в разрушенных войной постройках можно, только постоянно что-то ремонтируя, перестраивая и прибираясь.

Личный состав должен всегда находиться в «работе», иначе появится лишнее «свободное» время и в голову полезут всякие нехорошие мысли. А оно нам надо? Нет, не надо! Поэтому если ты не несешь боевое дежурство, не занят хозработами, не спишь или не принимаешь пищу, то будь любезен учись и перенимай опыт старших товарищей.

Вот уже шестые сутки остатки 10 ОДШБ находятся на захваченном украинском опорном пункте. Я понимаю, что больше не только физические, а моральные усилия надо прилагать к тому, чтобы не просто жить здесь, а быть готовым к исполнению солдатского долга. Простое российские парни понимают, что здесь они защищает семью, родину и к противнику относится со сдержанным уважением. А суровый образ жизни – это непременное условие победы.

Понятно, что дисциплина, понятно, что слаженность, любой командир, да вообще начальник цеха, директор завода, глава компьютерной фирмы скажет вам примерно тоже самое: дисциплина, воспитание, порядок – вот главный залог успеха работы всего предприятия и воинского подразделения в целом.

Война, жизнь людей, страх смерти. Страх смерти преодолеть не каждому, наверное, дано… Как и принятие решений – послать в бой, не отступать с занятых позиций. Но уже здесь, в самой непосредственной близи от противника, видя, как четко проходят команды, как слаженно действуют парни во время боевых выходов, начинаешь понимать, что этот сложный человеческий механизм, включающий в себя бойцов, может действовать только при условии железной дисциплины, глубокого понимания и осознания воинского долга. Без глубокого понимания чувства долга, чувства патриотизма не понять настоящий образ офицера и солдата, так долг происходит от готовности до конца служить идее, не отсту-

пая перед трудностями, перед противником. Наши солдаты защищают не себя, а родину, как бы это высокопарно не звучало.

– Я нашел охренительный плюс в окружении? – глубокомысленно изрек Бамут, подгоняющий свою амуницию перед выходом.

– И какой же? – с интересом спросил я.

– Кругом враги, а значит можно не заморачиваться с направлением стрельбы, боясь угодить в своих. Ебашь во все стороны, все-равно в противника попадёшь.

– Согласен, – кивнул я. – Помнишь о чем договорились?

– Помню, – хмыкнул Семен, – оставить Кока на позиции одного и не обращать внимание на его стрельбу из автомата. Но учти, если Кок приготовит какую-нибудь сладкую вкусняшку, то ты свою пайку отдашь мне.

– Не вопрос, – отмахнулся я.

Я все-таки внял словам Глобуса и решил дать возможность Коку «выпустить пар». Спросите: «с чего такая забота о поваре?». Отвечу! Все просто: Кок – очень хороший повар, он из тех профессионалов своего дела, которые могут из ничего, сделать всё! Кок каким-то чудом умудряется из однообразного набора продуктов: консерв, круп, макарон, сухих овощей, приправ, сахара и муки готовить разносолы. То есть его стряпня разнообразна, вкусна, насыщенна, питательна и полезна. Наверное, в этот момент, вы подумаете, что я несу бред. Дескать, молодой человек, вы же на войне, какая на

хер стряпня, что ты ту нам лепишь про разносолы. Солдат на войне должен питаться исключительно тушёнкой и сухарями.

Ага, щазз!

Сами попробуйте хотя бы недельку жрать одну тушёнку и сухари. Научно доказанный факт, что три месяца такой диеты гарантируют проблемы с пищеварительным трактом сопоставимые с ранением в брюшную полость и гарантированным выбыванием бойца из строя с последующей демобилизацией его в тыл. Опять же, зачастую, когда воинское подразделение находится в суровых условиях, таких как у нас сейчас, то прием пищи, особенно горячей и вкусной пищи становится самым светлым событием дня. И если в конце дня тебя спросят, что для тебя важнее: сколько врагов ты убил за день или вкус горячего супа? То десять из десяти опрошенных солдат хором ответят: «Вкус супа!»

А Кок готовил мастерски! Пробовали бисквит, приготовленный на сковороде? Нет? А пельмени с начинкой из тушенки и перемолотых грецких орехов, которую по вкусу от говяжьего фарша не отличишь? Нет? Ну и не фиг тогда умничать! Ну и напоследок, так сказать последний гвоздь в крышку гроба вашего скептицизма – Кок умел готовить майонез! Что?! Вы не прониклись услышанным? Значит вы не были на передовой. Какой самый желанный трофей, захваченный у противника? Думаете гранатомёты, автоматы и патроны? Фиг вам, не угадали! У нас и своего оружия хватает.

Самый желанный трофей – это пачки с майонезом!

– Подумаешь, майонез, – отмахнулся Кок, когда впервые угостил бойцов «десятки» своим фирменным мазиком. – Там всего три основных ингредиента: растительное масло, яйцо и сухая горчица. Соль, сахар и специи по вкусу. Главное сбить правильно.

– Разбалуешь ты их Кок своими разносолами, – ворчал Глобус, – а они домой вернутся и будут от жонкиных щей нос воротить

Ничего не радует желудок солдата, как вредная, но такая, сука, желанная пища. Сдобренная мазиком перловка или гречка, уже не кажется такой опостылой. А еще очень хорошо заходит «Кола» или любая другая сладкая газировка. Все это напоминает солдаты о доме, тыле и гражданской жизни. Нет, русский солдат, конечно же может воевать без «Кока-колы» и майонеза, питаясь исключительно тушенкой и сухарями. Русский солдат, вообще, чаще всего воюет не благодаря, а вопреки. Ибо русский солдат – самый не требовательный солдат в мире, именно поэтому он и не победим.

– Всё готовы? – спросил я у бойцов перед выходом.

– Да, да, да, – нестройным хором отозвались парни.

Всего четыре бойца: Бамут, Кок, Хребет и Пестик. Больше не надо. Четыре человека достаточно для выполнения поставленной задачи. Парни все опытные, битые жизнью и войной.

– Бамут – старший, – начал я инструктаж, выведя на экран

монитора карту местности, снятую с БПЛА. – Пройдете вот этим маршрутом, – я указал направление движения. – Кок с дронобойкой останется здесь. Остальные пройдут к этим кустам и заныкаются до моего приказа. Как только Кок загасит дрон противника, а второй еще не прилетит, то вам надо будет в скором темпе добраться до вот этой точки. Кок пока мастырит обманки. После того как загасит второй дрон, тут же убирает обманки и возвращается назад. Кодовые обозначения команд, всё помнят?

– Да, – так же хором отозвались разведчики.

– Отлично. Кок поскольку ты будешь на виду, то могут отработать по тебе, так что не тупи и, если я прикажу, то вали с позиции очень и очень быстро, но тем же путем, что пришли, потому что где там мины в кустах еще натыканы мы не знаем. Ясно?

– Так точно, – кивнул повар.

Выглядел Кок сосредоточенным и собранным. Облачился он хорошо, пусть боевые выходы для него и редкость, но он в первую очередь все равно штурмовик и лишь потом кухонный работник. Безухий шлем, к которому прицепленные активные наушники, автомат с накрученной на ствол «банкой», плитник на который прицеплены автоматные подсумки с резинками на горловинах, две аптечки, массивное противодроновое ружье за спиной, несколько турникетов и т.д.

Остальные бойцы диверсионно-разведывательной группы были облачены примерно так же, только Бамут был неразлу-

чен со своим вечным спутником – ПКМом, а Хребет и Пестик тащили на себе гранатометы.

Задача, которая стоит перед группой Бамута – скрытно пробраться в нужную точку, замаскироваться и вести наблюдение. Несколько часов назад мы нанесли огневое поражение группе украинских вояк, которые под покровом темноты перлись на один из своих опорников в нашем тылу. Бамут отстрелялся по ним из крупнокалиберного «Утеса» и скорее всего кого-то зацепил. Попадание пули калибра 12,7мм гарантирует если не моментальную смерть, то тяжелое ранение. В общем, за этими подранками обязательно должна прибыть группа эвакуации, потому что, судя по наблюдениям, своими силами они оттуда выбраться не смогли. А значит есть шанс подловить укров на наживку.

– Семен смотри на месте. Если сможете работайте сами, если будет далеко или без гарантии, то отработаем по ним из «самоваров», – продолжал я инструктаж, – главное, чтобы без риска для вас. Назад отходить будете либо вот этим путем, либо вот этим, – я показал на экране пути отхода группы. – Кок на твоей точке есть заныканный АГС, если чего, прикроешь отход группы.

– Сделаю, – важно кивнул Кок, – я знаю где «собака» спрятана, мы с Фиником её туда и тащили.

– Ну и отлично! Присели на дорожку и пошли.

Я достал из кармана россыпь колец от ручных гранат и как бы невзначай разложил из на ящике из-под патронов. Выхо-

дящие из подвала Кок и Хребет взяли себе по кольцу, бережно убрав во внутренние карманы.

Военные, впрочем, как и представители других профессий, сопряжённых с риском для жизни, частенько бывают очень суеверны. К примеру, многие не говорят: «последний выход или последний бой», предпочитая сказать – «крайний», потому что «последний» может стать последний в этой земной жизни. Так же есть те, кто принципиально не бреется перед выходом на боевой выход или не меняет нательное белье пока находится на боевых позициях. Дескать, если побриться или поменять трусы, то это к смерти. Или вот, к примеру, если с убитого врага можно брать всё что хочешь, то со своего убитого товарища ничего брать нельзя, потому что это тоже считается к несчастью.

Думаю, абсолютно у каждого человека есть свои суеверия, которые можно назвать своеобразной защитной реакцией человека на тот или иной стресс. Кто-то боится черных кошек, кто-то не смотрит в разбитое зеркало, а кто-то подкладывает себе в складки одежды булавки: от сглаза. И если некоторые суеверия не лишены смысла, к примеру, тем же разбитым зеркалом можно порезать себе пальцы, то другие не более чем детские страшилки, перенесенные на подсознательный уровень. Есть суеверия, присущие только одной категории людей. Думаю, никто не будет спорить с тем, что в окопах не бывает атеистов, и даже самый убежденный атеист, находясь в смертельной опасности поверит и в бога,

и в черта.

Бамут, кстати, был у нас в батальоне самым суеверным, знал все приметы и активно выспрашивал у всех новых встречных-поперечных об их суевериях и приметах. Семен даже как-то нашел книгу-мемуары одного советского генерала ВВС, который посвятил отдельную главу суевериям на Великой отечественной войне.

По воспоминаниям этого генерала, самыми суеверными в годы войны были разведчики и пилоты штурмовиков. Самой известной приметой является бритье перед вылетом: если побрился перед вылетом, то тебя непременно собьют. Согласно другой примете, лётчики часто летали в той одежде, в которой уцелели в, казалось бы, безвыходной ситуации, даже несмотря на то, что одежда выглядела поношенной.

Так же особое внимание пилоты уделяли магии чисел, а именно числу 13. Самолеты с этими номерами считались чуть ли не проклятыми и мало кто хотел на них летать. В некоторых полках машины с номером 13 отправлялись в бессрочный ремонт. Хотя, с другой стороны, пилот Виталий Клеменко, творил на своем самолете с номером 13 настоящие чудеса и наводил ужас на немцев. Интересный факт, за годы войны он лично сбил ровно 13 самолетов. Так же летчики обращали внимание на сны, зачастую увидев страшный сон и приняв его за плохую примету, пилоты падали духом и правда погибали в боях.

Практически каждый красноармеец пытался обезопасить

себя различными талисманами. Хранить его было необходимо тайно и никому не показывать, иначе предмет терял свои защитные функции. Потеря талисмана расценивалась как плохой знак. Лётчики брали в качестве защитного символа чаще всего фотокарточку или письмо любимой, которое должно было отводить пули от бойца. Многие не использовали первый полученный на фронте патрон, чтобы выпустить его в честь окончания войны. Так же солдаты считали безопасным местом разорвавшуюся воронку, так как из-за отката орудия, следующий снаряд падал в другое место. Так же дурным тоном считалось вспоминать перед боем родителей и дом, тем самым боец как будто навлекал на себя гибель. Хотя все это можно объяснить моральной усталостью, которая и губила бойцов.

Летчики же были рекордсменами по приметам. Плохой приметой считалось собирать цветы у аэродрома, называть полет последним, добираться на полуторке до аэродрома, махать рукой взлетевшему самолету и не фотографироваться перед взлётом. Многие пилоты вкладывали в карман гимнастерки кусочек хлеба, чтобы доесть его после вылета.

К чему это я? К тому, что в нашем 10 ОДШБ тоже были свои приметы и талисманы. Вернее сказать, с подачи Бамута в нашем батальоне расцвела пышным цветом мода на талисман, отводящий беду – кольцо от ручной гранаты, которую скинули с коптера на противника и сброс был удачным. Причем самым ценным считалось кольцо от гранаты, кото-

рую я сбросил на противника. Да-да! Когда я управлял дроном, то частенько Бамут крутился у меня за спиной, будучи моим вторым номером и именно он запоминал какая граната оказалось удачной, привела к потерям противника и чьё кольцо считается удачным. Надо ли говорить, что кольца от удачных гранат Бамут выменивал на необходимые ему и мне ништяки, монополизировав «рынок» талисманов-оберегов в 10 ОДШБ. Так же Семен вел статистику потерь в нашем батальоне утверждая, что по его данным ни один из бойцов «десятки», который с его подачи стал обладателем заветного кольца еще не перешел в разряд «двухсотых», да, были раненые, причем были и тяжелые, но ни один еще не погиб. Вот и не верь после этого в приметы.

Помимо колец от ручных гранат, талисманами-оберегами считались детские игрушки, которые бойцы привозили из дома. Причем эта практика была приняты по обе стороны линии фронта. И наши и украинские бойцы щеголяли детскими игрушками на разгрузках. У наших чаще всего были чебурашки и прочие советские мультяшные персонажи, у укропов поголовно встречались Микки-маусы, Миньоны и Капитаны Америка.

Так же по обе стороны фронта было принято украшать стены блиндажей и укрытий детскими письмами и рисунками, которые на фронт волонтеры привозили мешками. Солдаты в окопах действительно верили, что детские рисунки на стенах защищают блиндаж от попадания вражеского сна-

ряда. Особо ценились те рисунки и письма, где было сразу видно, что ребенок нарисовал его сам, а не под руководством или с помощью родителей.

Бамут очень сокрушался, что при обороне Токмака вражеский снаряд попал в блиндаж, где хранились наши с ним вещи и рюкзак, в котором лежала заветная банка разлетелся в пух и прах. Те кольца, что я сейчас выложил на патронный ящик, были из тех гранат, что я метал в противника во время штурма опорного пункта, их Семен нашел возле пикапа, в кузове которого стоял ящик с трофейными гранатами. Бамут попросил меня какое-то время поносить в моем подсумке россыпь колец, чтобы они с его слов «зарядились».

– Куда?! – подпрыгнул от возмущения Бамут и тут же сграбастал себе все оставшиеся кольца. – Так, вы, оба! – грозно рыкнул Семен на Кока и Хребта. – Это не бесплатно, вернее, чтобы талисман работал надо взамен что-то дать. С тебя, – Семен ткнул пальцем в Кока, – два банки сгущенки. А с тебя, – палец в перчатке указал Хребту в грудь, – две пары носков, но, чтобы новые, с этикетками. Добрая ты душа Псих, всё бесплатно готов раздать.

Кок и Хребет понимающе кивнули, и пряча злорадные улыбки двинули вслед за Бамутом.

– Сыч своё кольцо перед штурмом этого опорника потерял, – в пустоту произнес Пестик. – Вот и не верь после этого в приметы.

– Цыц! – шикнул на него Семен. – Нельзя перед выходом

на боевую операцию вспоминать погибших товарищей. Примета плохая!

Отправив и проводив группу Бамута на боевой выход, я вернулся в подвал, где тут же погрузился в пучину командирских хлопот. Которые, впрочем, свелись к перекладыванию своих обязанностей на плечи подчиненных. Сам же уселся за стол, на котором были установлены мониторы куда транслировалась картинка с внешних камер наблюдения. Так же надо было следить за показаниями приборов, которые фиксировали активность частот, именно они предупреждали о приближении вражеских БПЛА.

Глава 4

В любом конфликте скорость продвижения солдата от звания к званию ускоряется кратно. Это обусловлено прежде всего потерями и выбыванием командного состава из строя. Вчера ты солдат, сегодня командир отделения, через неделю командир взвода. Если изначально ты отвечал только за себя, то теперь несёшь ответственность за несколько человек.

Из лекций по психологии я знал, что эффективно можно управлять максимум семью-десятью бойцами, армия и строится по принципу такой же пирамиды, каждый следующий командир управляет не более чем десятью людьми. Основанием этой пирамиды служит отделение. И вот если у командира взвода слабый комод – командир отделения, то управление начинает хромать со всеми вытекающими последствиями – бардаком и неизбежными потерями в бою.

Но это лирика, теперь к конкретике. Я стал командиром отделения во время боевых действий – принял на себя не только груз ответственности за людей, но и за выполнение различных задач, от хозяйственных до боевых – весь ворох хлопот. Сперва думал, что утону в них. Но так как у меня был лучший командир – Стас Крылов, по прозвищу Псих, то он меня быстро и просто научил, как не упустить из виду какую-то мелочь. Прописные истины, которые я поначалу по

пунктам записал в блокнот, а со временем запомнил и уже сам учил этому своих подчинённых.

При выполнении любой задачи, а особенно боевой, есть пять видов обеспечения. Если без особого занудства и размусоливания, то все сводится к довольно простым постулатам и принципам:

Первое – это боевое обеспечение, в котором основным является понимание нахождения себя и вверенных тебе людей в окружающей обстановке. Позаботься, чтоб боевое охранение было всегда, в любом месте, куда бы не занесла судьба тебя и твоих солдат. Напомнил себе и своим товарищам, что БПЛА противника в воздухе 24/7. Даже если ты их не видишь, то они как тот суслик из «ДМБ» точно висят в небе! Сразу же сориентируйся на местности по сторонам света и отмечай для себя мысленно, где противник, и что ты знаешь о соседних подразделениях, где они, какие они. Догадки отметай. Только знание. Каждому бойцу указывай место на случай внезапного боестолкновения и его сектор стрельбы. Чтоб даже ночью и в туман солдат знал, где ему находится и где находятся его товарищи. Френдлифаер – огонь по своим, обеспечен, если этого не сделать. Так же указывай укрытие при артналёте. В армии это называется боевой расчёт и к нему надо относиться весьма ответственно. Карточки огня и прочие красивые штучки, которые требует высокое начальство, прошедшие курсы генштаба, я критикую, как и любой солдат, который «вырос» в окопе, но своё место и сектор ве-

дения огня солдат должен узнать от командира, а не выбирать сам и помнить об этом без всяких карточек.

Второе – это морально-психологическое состояние. Для себя этот пункт отмечал при организации графика охранения и боевого дежурства на огневых средствах. Ну и способности каждого солдата при планировании боевой работы тоже надо учитывать. Каждому надо ставить только ту задачу, с которой он гарантированно справится. Здесь речь идет о здоровом прагматизме, а не о социальной справедливости. Справедливость засунем в жопу до победы. Вот как укропов разобьем, так сразу же будем ходить на боевые дежурства и выходы исключительно по очереди и алфавиту. А пока, как командир (то есть я) сказал, так и будет.

Третье – это техническое обеспечение (моё самое любимое). За это я деру подчиненных везде и всегда. Наличие средств наблюдения на посту, по времени суток. Было такое, что и половинкой бинокля пользовались. Средства связи и порядок их передачи по смене. Количество аккумуляторов, способ и возможность их зарядки. Эта война показала, что выигрывает тот, у кого техническое оснащение лучше. У кого на дольше хватит заряда в аккумуляторах, у кого лучше «ночники», у кого рации цифровые, а не аналоговые, у кого больше дронов, «банки» на стволы автоматов и пулеметов, есть противодроновые ружья или спектроанализаторы и т.д.

Четвертое – это тыловое обеспечение. Это то, что модно ругать во всех окопах, блиндажах, а заодно и в самом тылу,

особенно в волонтерской и околопатриотичной среде. Но командир отделения должен для себя выяснить у вышестоящего командира способ и график приёма пищи и обеспечения водой, организовать всё в своём отделении. А во время марша необходимо вводить питьевой режим. Если кто сколько хочет и когда хочет пьёт – это потом сыграет злую шутку – и усталость навалится, и вода закончится. Но и обезвоживания допустить нельзя. Командир должен следить и по возможности обеспечивать свое подразделение сам. Будешь надеяться исключительно на вышестоящих начальников и командиров – сам будешь голодных, холодный и с вшами, и твои подчиненные будут такими же.

Пятое – это медицинское обеспечение. Помимо того, что командир должен проверять те медсредства, которые есть в наличии у подчинённых, и обо всех недостатках сразу же докладывать вверх по командованию. При выполнении задачи – будь то оборона, наступление, боевая подготовка или хозработы – необходимо для себя иметь ответ, какой способ и место эвакуации раненного или травмированного будет использоваться. Эта информация должна быть доведена до каждого солдата. Если волонтеры привезли новые аптечки, то будь любезен сам разберись как ими пользоваться, какие препараты в них входят, если есть неизвестные, то берешь маркер и подписываешь каким препаратом и как пользоваться.

В общем работы у командира много. Причем речь еще

не идет о самом бое, пока обсуждаем работу командира в более-менее спокойной обстановке, когда вражеские обстрелы всего лишь несколько раз в день, личный состав надежно спрятан в глубоком убежище, а враг не прет на ваши позиции волнами одна за другой. И сразу надо уточнить, что речь так же не идет об отчетах, которые должен отправлять наверх любой командир в звании комроты и выше. Эти самые отчеты, их отправка и всевозможные совещания, порой забирают у командира все свободное время, не оставляя ему времени на работу с личным составом.

Будучи лицом приближенным к комбату Рыжикову, а также сам несколько рас исполняющим обязанности ротного, я на своей шкуре ощутил, что такое отчетность в армии РФ.

Отчасти именно из-за всей этой бумажной волокиты я так наотрез отказываюсь цеплять себе на плечи офицерские погоны. Чур меня! Снова придётся учить формуляры и отчеты лепить. Будем противника этими бумажными кипами закидывать? Зацените номенклатуру «боеприпасов»: журнал форма 1, форма 1а, форма 1 ВП, книга записи больных, журнал вечерней проверки, форма…и так еще десяток различных форм, журналов и актов.

А вот в реале один день командира воюющей роты одной из бригад ВС РФ:

Утром проснулся, нужно вести рапорты в ППД, стоять в очередях к разным службам. На дорогу – час-полтора, мы-

тарства в ППД, дорога обратно в располагу. Рота воюет тем временем.

По возвращении – печать первого БЧС – это 15-20 минут, второй БЧС сложнее – около уже полчаса, затем строевая записка с полным поименным списком личного состава.

Ротный начинает печатать, но успевает не все – надо ехать на вечернее совещание, выезжать, минимум, за час. Совещание – минимум, час. На совещании доводят – утром сдать списки личного состава, у кого есть несовершеннолетние дети с ксерокопиями свидетельств о рождении для выплат и подарков на Новый год, 1 сентября и т.д. Потом дорога обратно. До 11.00 внутреннее совещание – доклады, постановка задач. Документы, будь они неладны, до ночи. Отбой в 2.00. Утром – всё заново.

И так изо дня в день, изо дня в день…

Личного состава не вижу и не слышу. Организовал стрельбы – не смог присутствовать. Готовлю разлитые «формы», допуски к секретности личного состава, книгу записи больных, журнал вечерней поверки, планы подготовки, взводные журналы. Техника роты у меня нет – «висят» отчеты по ГСМ, получению и списанию боеприпасов… Идет война, а я не вижу людей: совещания, бумаги, доклады, кабинеты.

Всё это – не что иное, как саботаж рольной боевой работы. Циркуляры, спускаемые "сверху"парализуют инициативу и вообще нормальное ведение войны. Увы, это так. Достучаться бы до Герасимова, который, по признанию командо-

вания укров, пишет умные книги, достучаться бы до Шойгу, достучаться бы до Путина.

Повторяю, с таким ворохом бумаг командиру роты некогда воевать и быть на позиции. Или так – есть риск быть убитым или попасть в плен во время работы с документами, когда враг атакует.

Я не призываю к махновщине, порядок должен быть, но не превращаться в маразм. Вот поэтому мне проще быть старшим сержантом – командиром разведгруппы, максимум отделением, чем офицером. Геморроя меньше, противника вижу чаще, доплаты за подбитую вражескую технику и уничтоженный личный состав противника с лихвой перекрывают разницу с офицерской зарплатой. Хоть мы тут воюем не за деньги, а за Родину и идею. Но, пока что я не вижу смысла становиться офицером, если припрет, то я и роту, и батальон в бой поведу, и пацаны пойдут за мной несмотря на то, что у меня на плечах не офицерские звезды, а всего лишь сержантские лычки.

– Глобус! Глобус! – позвал я Чехова. – Иди сюда!

– Что случилось? – спросил подошедший Петрович, которого я отвлек от разноса, который он устроил минометчикам за то, что они не убрали за собой ящики из-под мин.

– Погляди что Кок творит?

На экране монитора было хорошо видно, как наш батальонный повар собирает что-то на земле. Группа Бамута ушла дальше, оставив Витьку Степанова в нужной точке.

Вражеский дрон парил далеко и высоко, достать его из дробобойки было нереально, но возможно из-за такой дистанции группа Семена могла пройти незамеченной.

Кок минут десять посидел под деревом, накрывшись маскировочной сеткой, а потом принялся лазить по земле, срывая что-то.

– Рвет что-то? – задумчиво произнес Глобус. – Не пойму. То ли укроп, то ли крапиву?

– Сука, ботаник хренов, – злорадно прошипел я, – сейчас я ему устрою сбор гербария, мать его так!

Взяв в руки рацию, откашлялся и тут же прокричал в микрофон «болтушки»:

– Кок! Кок! На два часа – движение! Огонь! Немедленно!

Витька подскочил как ошпаренный, дернул автомат, развернулся совершенно не в том направлении, куда я ему приказал и длинной очередью высадил полный магазин.

Никакого движения на два часа не было, я все выдумал, чтобы взбодрить и заодно проучить нашего повара.

Стрелял Кок не на «два» часа, как я кричал ему в рацию, а примерно на «шесть» часов, то есть практически себе в тыл, туда, где физически не могло быть противника.

– Идиот, – буркнул Петрович, комментируя действия Степанова.

Кок, высадив полный магазин куда-то в пустоту, перекатом ушел в сторону, сменил рожок на полный, отбросив пустой на землю и вновь открыл огонь. Второй магазин Кок

отстрелял короткими очередями.

– Ни хрена его напугало? – коротко хохотнул Глобус.

– Есть! Есть! – раздался задыхающийся голос Кока в рации. – Одного задвухсотил, второго ранил!

Было видно, что Степанов распластавшись на земле пятится ползком назад, стреляя из автомата перед собой все в том же направлении «на шесть часов». А еще я успел заметить, что вокруг Кока взметаются вверх фонтанчики земли – след от пулевых попаданий. Кок ведет с кем-то бой!

– Твою мать! – одновременно с Петровичем прокричал я и тут же сыпанул фонтаном приказов. – Крест, Бублик, Финик – наружу, дуйте к Ветру! Кок встрял! Пых расчехляй «польку», прикроешь. Кок? Кок! Доложи, что там? С кем контакт? – забубнил я в микрофон портативной рации.

– Псих, «синие» в складке лежали, укрывшись сеткой. Ты как крикнул, я глянул, а там бугорок шевелится…ёбан..в..от…идары…уевы, – членораздельная речь исчезла из эфира, ей на смену пришла близкая трескотня автомата и обрывки матов.

– Псих, что там у вас? – влез в эфир Бамут.

– Кок вскрыл укропскую разведку. Возвращайтесь! Только осторожней, может быть засада.

– Плюс! – лаконично ответил Семен.

– Ветер? Ветер? – схватив трубку «тапка» принялся я вызвать ближайший к Коку наш наблюдательный пост.

– Слушаю, – раздался в трубке хриплый голос вечно про-

стуженного Ветра.

– Слышишь стрельбу?

– Да. Наблюдаю как Кок в кого-то там активно стреляет.

– Прикрой его из подствольника и РПГ.

– Сделаю.

– Джокер поднимай «птичку»! – крикнул я вглубь бункера.

Вновь занял место за столом перед мониторами. Командир должен быть на своем месте! Хоть сейчас жутко хотелось метнуться наружу и броситься к месту боя, но за столом перед мониторами от меня сейчас больше пользы, чем в поле с автоматом.

Кок отполз под прикрытие высокого пня, который остался от дерева, срубленного прилетом снаряда. Что же там произошло? Неужели Кок случайно наткнулся на вражеских диверсов, которые подкрались к нам так близко? Степанов сейчас находится метрах в пятистах от нас. Дистанция более чем близкая. Вполне можно отстреляться из некоторых видов ручных гранатомётов. Или Кок сцепился с кем-то из наших?

– Глобус проверь всех в бункере? Проведи перекличку. Все на месте?

– Принято, – отозвался Глобус

Сам же поочередно связался с тремя внешними постами, чтобы провести перекличку и понять все ли наши бойцы на месте. Нет ничего хуже, чем завязать бой с кем-то из сво-

их. «Дружественный огонь» или если по-английски – friendly fire, так чаще всего называют ошибочный обстрел или атаку, произведенные на позиции своих или союзных войск.

На этой войне, к сожаленью, частенько возникают ситуации, когда происходит стрельба по своим. То летуны сбросят ФАБы не туда или НУРСы прилетят прямиком по схрону с разведчиками, то хвост колонны выступит в бой с головой колонны, то сонные или сменённые дозорные обстреляют возвращающихся с боевого выхода разведчиков из соседнего подразделения, а уж сколько раз арта своих же накрывала и не перечесть.

А что поделать если форма практически одинаковая, а порой прям идентичная, техника на семьдесят процентов тоже одинаковая – общее наследие СССР, да и хари у всех одинаковые – славянские и постсоветские. Незначительное отличие в виде опознавательных намоток на рукавах, шлемах, штанинах и разгрузках, а наших – белые и красные, у укропов – синие, желтые и зеленые. А в горячке боя или на адреналине, сперва стреляешь в силуэт двигающихся со стороны врага и только потом рассматриваешь какого цвета у них опозновалки.

Техника тоже зачастую не то, что похожая, а одинаковая. Танки, БТРы, БМП, САУ, «буханки», «мотолыги» – как братья близнецы, отличия лишь в намалёванных белой краской символах. У нас – Z, 0, V, треугольники и квадраты, у укропов – чаще всего кресты, из-за чего их за глаза и кличут –

немцами или фрицами.

Это дедам в Великую войну хорошо было – у немцев своя форма, у русских своя, да и немецкий танк от советского всегда отличишь. А у нас не СВО – а какая-то «зеркальная» война, когда воюешь не заклятым врагом, а вроде как со своим отражением в зеркале.

Хотя надо отметить, что все из той книги, которую где-то смародерил Бамут с мемуарами советского генерала-летуна, я с удивлением узнал, что первым самолетом, сбитым советским асом Александром Покрышкиным, оказался не германский истребитель, а отечественный Су-2. Атака была произведена в первый день Великой Отечественной войны в одной из зон вторжения немецких войск. Дело в том, что советские летчики не были ознакомлены с внешним видом ранее засекреченных моделей, и атаковавший против солнца Су-2 Покрышкин не сумел вовремя разглядеть красную звезду на камуфляжной раскраске бомбардировщика. Его пилот выжил, но штурман погиб. Через два дня над Москвой средствами ПВО была обстреляна уже группа нераспознанных советских бомбардировщиков, возвращавшихся с боевого вылета. Это была первая воздушная тревога в столице СССР с начала войны.

Так что дедам тоже приходилось несладко. Война – это не только штыковые атаки вперед, под крики «Ура!», это еще суматоха, неразбериха, бардак и беспорядок.

С Коком пропала связь, я пробовал его вызвать, но он не

отвечал. Последнее, что успел заметить – Кок заползает в окоп, где в боковой нише, за деревянной перегородкой стоял на станке АГС-17. Потом рядом с окопом взорвался ВОГ, потом еще один и связь со Степановым пропала.

– Ветер? Ветер! – вызвал я небольшой внешний опорник. – Прекратить стрельбу! Дальше навесь, дальше говорю, по Коку попали.

– Я вообще не стрелял, мы перезаряжаемся.

Значит это не свои, значит это противник захерячил Кока! Едрить-колотить!

– Твою ж мать, – выругался я. – Хули так медленно?! Кока там основательно прижали. Дай выстрел!

Метрах в двадцати от окопа Кока возникло белое облачко – след попадания ВОГа.

– Давай дальше метров на сорок! – приказал я в динамик рации.

Вновь вспыхнуло облачко белого дыма. Взрыв 40мм гранаты не особо-то и эпичный, пукнуло белым дымом, рассыпало вокруг себя веер мелких осколков – вот и все спецэффекты.

– Туда и бей! Прижми гадов, пока мы «самовары» развернем!

Следующий взрыв гранаты я не успел отследить, потому что она легла за пределами зоны досягаемости оптики камеры, которая следила за тем сектором, где находился Кок. Всего таких камер, которые прикрывали различные направ-

ления и подступы к нашей «крепости» было больше двадцати штук. Камера, следившая за направлением куда ушла группа Бамута контролировала самый дальний подступ.

– Джокер, бля, где «птичка»?! – крикнул я. – Едрить тебя в шевелюру! Быстрее, быстрее!!!

– Ща, ща, пять сек, – бубнил Джокер. – Есть, есть! Переключаю на тебя картинку.

– Ага, принял, – хмыкнул я. – Ниже опусти.

Картинка, передаваемая с камеры «матраса», показала всю «картину маслом»: два укропа в «кикиморах», один – «200», второй – «триста» пытается перетянуть простреленную ногу. Судя по вялым движениям и по вывернутой под неестественным углом второй ноги, этот подранок, уже не жилец.

Самое интересное было метрах в ста от окопа Кока – там явно кучковалась группа чубатых числом не менее пяти – семи штук.

Твою-жжжь мать, как мы так обосрались?! К нам практически вплотную подошла вражеская ДРГ числом чуть ли не в стрелковое отделение! Как?! Как мы могли так обложатся?

– Пых! – вызвал я старшего минометчиков. – Ставь 82-ые «самовары», будем укропов отрезать.

– Ща сделаем, – крикнул в ответ старшина Пыхов, – ща мы этих красавцев размотаем. Басота тащи два миномета наверх! – задорно заорал. Пых, обращаясь к своим подчиненным.

– Кок! Кок! – вновь попробовал я вызвать повара Степанова, но рация молчала. Так и не докричавшись до Кока я вызвал Бамута: – Бамут! Зайди на вторую точку – «к сосне», рыбу надо собрать.

– Плюс, – отозвался Семен.

Кричать в эфире прямым текстом приказы я не хотел, противник не просто может слушать нас, а гарантированно слушает нас, по крайней мере из этих принципов надо всегда исходить при проведение боевой операции и переговорах в радиоэфире. Даже защищенные, цифровые радиостанции и те при желании и наличие соответствующего оборудования можно прослушать, а с учетом того, что мы сейчас активно пользуем трофейные рации, то можно со сто процентной гарантией утверждать, что противник слушает наши переговоры. Чтобы избежать прослушки можно вести переговоры загодя оговоренным шифром либо переговариваться на неизвестном противнику языке, к примеру – тувинском или калмыкском. Но у нас в батальоне сейчас не было двух тувинцев или калмыков. Из тех, кто владел другим языком кроме русского, я и Глобус – могли вести переговоры между собой на французском и английском, но эти два языка легко переводились любым онлайн-переводчиком. Еще был в отряде освобожденный из плена российский боец – Ашот Маникян, по национальности он был армянин и соответственно знал армянский и немного турецкий, но кроме него никто не знал этих языков. Короче, вариантов чтобы защититься от

прослушки практически не было, потому что шифрами в радиоэфире можно разговаривать только если ситуация, которую обсуждаем типичная и оговорённая заранее, а если как сейчас – стресс и переполох, то как не крути, а будешь орать прямым текстом вперемешку с матом.

Поскольку с Бамутом и Пестиком мы давно работали в одной группе, то у нас сложился собственный «птичий» язык для общения в эфире. Семен прекрасно понял, что я хотел, чтобы он зашел в тыл к украинской ДРГ и попытался взять противника живьем.

Единственная надежда на надежную, защищенную связь на передовой – это связь с помощью «тапка» или как его правильно называют – ТА-57, что означает Телефонный Аппарат образца 1957 года. Аппарат хоть и морально устаревших, проводной, но, во-первых, он довольно всеяден в отношении элементов питания, а во-вторых, вечен, как все сделанное в СССР до перестройки. Было ещё и, в-третьих. В отличие от карманных раций, «тапок» можно было прослушать, только физически подключившись к проводу. На захваченном опорнике нашлось два десятка ТА-57 и километр провода в катушках. Все внешние посты наблюдения, капониры и огневые точки были связаны между собой с помощью проводных полевых телефонов.

– Пых! – крикнул я. – «Тапок» не забудь, по нему связь держать будем.

– Принял, – так же криком отозвался старшина Пыхов. –

Мы готовы! Даю пристрелочный.

Я глянул в экран монитора. Группа украинских вояк довольно сноровисто и шустро отползала назад к себе в тыл. Все облачены в лохматые «кикиморы», расцветка которых соответствует сезону. Камера дрона видит противника только благодаря тому, что он движется, а если сейчас укропы замрут, то превратятся в размытые, неприметные холмики, кочки с складки.

Стоит отметить, что вражеские бойцы на удивление хорошо экипированы и подготовлены. Не иначе как по нашу душу пожаловал украинский спецназ. Опять же на данном направлении есть «умная» камера, которая не зафиксировала приближение двуногих людей. Значит противник обнаружил и нейтрализовал её, но не просто уничтожив выстрелами, а подавил сигнал, заставив камеру передавать статичное изображение. Умные гады! Хорошо бы их взять живыми, допросить хорошенько и затрофеить их снарягу.

Бахнула 82мм минометная мина. Легла далеко в тылу у вражеской ДРГ. Я принялся корректировать огонь минометов указывая координаты таким образом, чтобы мины ложились ближе к укропом, но не накрыли их. Надо противника ошеломить, заставив вжаться в землю, чтобы выиграть время нужное для подхода группы Бамута и Креста.

– Бамут постарайся рыбу целой донести, хотя бы парочку карасей.

– Плюс, – отозвался Семен.

– От меня, через Ветра идет Крест.

– Понял.

Вау-Вау! – запиликала система оповещения, предупреждая, что в нашу сторону летят вражеские снаряды. Направленные микрофоны, стоявшие снаружи засекли «выходы» вражеской артиллерии, звук летящих снарядов и сообщили об этом.

Твою-жжж мать!

– Пых в укрытие! – крикнул я в трубку «тапка». – Обстрел!

Тут же дернул рацию и в общем эфире предупредил всех условным сигналом:

– Дискотека!!! Дискотека!!!

Бах! Бах! Ба-бах! Снаружи раздались взрывы и внутрь бункера посыпались оглушенные минометчики, чьи позиции только что накрыли вражеские снаряды. Слава богу все живы и лишь легкоранены. Жак метнулся навстречу бойцам на бегу встречая их профессиональными воплями:

– Куда ты, бля, его тащишь? У него нога сломана!

– Где?! – удивился Пых, осматривая своего подчиненного, которого буквально тащил за шиворот.

– В пизде! – тут же огрызнулся Док. – Клади его на пол!

Закружилась карусель оказания первой медицинской помощи. Как всегда, Жак был щедр на маты и ругательства, правда они у него были витиеваты и совершенно беззлобны. Раненым тут же оказали помощь, самым серьезным ранени-

ем оказался перелом ноги бойца с позывным Минск.

Вражеские снаряды – 120мм минометные мины стали сыпаться с неба с пугающей периодичностью, противник явно не жалел БК, по нам, похоже работало не меньше батареи, а это восемь минометов одновременно.

После первого дня обороны крепости, когда мы отбили несколько атак на наши позиции, нынешний обстрел был самым массированным. Похоже противник всерьез озаботился тем, чтобы вернуть свою ДРГ в целости и сохранности домой.

Массированный обстрел наших позиций всё продолжался и продолжался. Стало понятно, что враг специально гасит по нам, чтобы мы не могли достать украинских диверсантов, которых случайно вскрыл Кок. Причем корректировщики укров похоже засекли место, где могла находиться группа Бамута, потому что чуть в отдалении, примерно там, где и должен был сейчас находиться Семен, Пестик и Хребет гремели взрывы. Я с тоской глядел в экран монитора видя, как группа украинских вояк уходит. Вражеские бойцы деловито погрузили одного своего «двухсотого» в носилки и в скором темпе начали удаляться прочь.

Выскакивать наружу и пытаться достать укропов из минометов очень опасно, снаружи сейчас гремят взрывы и летают осколки. Противник специально нас обстреливает, чтобы мы носа не могли высунуть наружу. Похоже обстрел будет продолжаться до тех пор, пока украинские диверсанты не отой-

дут на безопасную дистанцию.

– С птичкой связь пропала, – доложил Джокер, – загасили, падлы. Она сейчас повисит и будет возвращаться назад. Я скоренько выскочу, подберу её?

– Куда?! – рыкнул я. – Назад!

Обидно! Вот так на пустом месте прокололись. Противник каким-то чудом умудрился подойти к нам вплотную. Надо было сразу корректировать минометы так чтобы накрыть вражескую ДРГ. Не фиг было затевать эти танцы с захватом украинских разведчиков живьем! Сам виноват! Хотел как лучше, а получилось, как всегда. Правду ведь говорят, что лучшее – враг хорошего. Вот загасили бы вражескую ДРГ в полном составе, накрыв их залпом из минометов – это было бы хорошо. А так захотелось сделать как лучше и захватить противника живьем, в итоге они сейчас спокойно уходят вдаль.

Я смотрел в экран монитора, глядя, как шестеро украинских «кикимор» тащат своего подранка уходя из сектора обзора статичной камеры.

– Падла, как обидно, уйдут ведь гады! – сквозь зубы шипел Джокер у меня за спиной.

– Надо было их сразу из 82-ых гасить, – буркнул кто-то.

Я обернулся и понял, что у меня за спиной собрались все, кто был в бункере в этот момент. Парни стояли хмурые и злые. Ничего так не раздражает и не злит, как вид противника, который нагло шляется у тебя под самым носом, а ты

его не можешь достать.

Неожиданно вражеские бойцы тащившие носилки окутались снопом белого дыма. Серия мелких взрывов накрыла солдат противника, дым и огонь скрыл их на несколько секунд из виду. Взрывы гремели пару мгновений. Похоже, что по ДРГ противника кто-то из наших отстрелялся из АГСа кучно положив «улитку» целиком, а это 29 ВОГов калибром 30мм в каждом по 36 грамм взрывчатки. Каждый ВОГ, выпущенный из АГС-17, дает радиус поражения ударной волной чуть больше 1 кв.м., а мелкие осколки дают расчетный радиус сплошного поражения около семи метров. А тут больше двадцати выстрелов накрыли группу укропов, стоявших плотной группой.

Когда дым рассеялся я понял, что укров в их «кикиморах» буквально разорвало в клочья, они лежали грудой переломанных тел. Однозначно все – 200, тут к бабке не ходи!

– Гля, гля! – азартно подскакивал у меня за спиной Джокер. – Кок по ним еще из автомата гасит. Вот шальной! – с восторгом прокричал мой помощник.

– Ай да Витька, ай да сукин сын! Молодчага! – довольным тоном проворчал Глобус.

Только сейчас я разглядел в противоположной стороне экрана окоп, в котором недавно исчез Кок после близкого взрыва. Сейчас Степанов высунувшись из траншеи деловито высаживал содержимое автоматного магазина стреляя в груду мертвых тел, рядом с ним стоял на треноге АГС. Как он

его в одиночку из тайника вытащил и на бруствер взвалил? Там же суммарного веса – больше шестидесяти килограмм!

Глава 5

Капитан Дэниел Берк пребывал в препоскуднейшем настроение. Его все бесило и раздражало. Бесила погода: жарко, пыльно, душно. Бесил ландшафт и местность – ровная как стол степь, заброшенные поля и перепаханные взрывами узкие лесопосадки, в которых никак нельзя было укрыться. Бесили аборигены, окружавшие его – вороватые и трусливые туземцы-украинцы, которые, по его мнению, были хуже цыган и арабов, хотя, казалось бы, куда хуже. Бесили русские, которые вопреки всем законам мироздания, логики и здравого смысла продолжали воевать, причем весьма успешно. Вместо того чтобы деградировать, распадаться и пятиться назад российская армия крепчает, становится сильнее и зубастей.

А больше всего капитана Берка бесило то, что он прекрасно понимал, что от них – спецназовцев из SAS, выступающих сейчас в качестве инструкторов для местных аборигенов из ВСУ, в этой войне толку никакого! От слова – «совсем»! Мало того, это солдаты и офицеры ВСУ, особенно те, кто прошел АТО и воюют с русскими с 2014 года, могут поучить английских диверсантов премудростям войны с российской армией. Школа у них одна – «советская», учились они в своё время по одним учебникам, разработанным на основе опыта ВОВ. А что могут британские инструкторы? На-

учить, как воевать против партизан в джунглях, как гонять арабов и персов по пустыне или как проводить зачистки в населенных пунктах, выявляя боевиков среди мирных граждан? А кому это здесь надо?

Берк хоть и не хотел этого признавать, и никогда не говорил этого вслух, но он как солдат понимал, что в нынешней войне, которая по своему размаху и применяемым боевым средствам сравнима со Второй мировой войной, у Британии с её армией шансов мало. То есть если вдруг бы на месте ВСУ оказалась армия Великобритании, то скорее всего, она бы продержалась намного меньше, чем армия Украины. Украинцы хоть и бестолковые на вид, вороватые, частенько туповатые, но надо отметить, что порой бьются очень достояно и отчаянно, порой предпочитая смерть сдаче в плен. Британские солдаты никогда не стали бы себя подрывать гранатами или отстреливаться до последнего патрона находясь в полном окружении. А украинца так могут и русские так могут. Дикари, одним словом. Тупые, грязные восточные дикари, которым каким-то чудом достались несметные сокровища в виде огромной страны с бесчисленными полезными ископаемыми, водоемами и лесами.

Когда русские утюжат позиции ФАБами, «Градами», «Ураганами» и всей этой своей «цветочной» артиллерией, а ты некогда полковник, разжалованный в капитаны сидишь в бункере под землей, как тот, чертов азиат в своей норе, и дрожишь от страха, потому что в любой момент твое убежи-

ще может завалить, похоронив тебя и остальных, в этот момент совершенно не понятно, кто тут просвещенный европеец, а кто убогий дикарь.

Не могут дикари летать на сверхзвуковых самолетах и запускать крылатые ракеты с подводных лодок и крейсеров. Не могут! А, они, будь тысячу раз прокляты, это делают!

Чертовы русские, как же они обрыдли и надоели всему прогрессивному человечеству! За что им досталась такая богатая земля? За что?! Они тупые, хамоватые дурочки, которые не ценят то, что имеют!

– Капрал! – капитан вызвал своего заместителя, нагло перебив майора ВСУ, который докладывал о недавнем бое, в котором русским удалось разгромить диверсионно-разведывательный отряд, состоящих из двух британских и восьмерых украинских военнослужащий. – Доложите, как все было на самом деле, хватит с меня этого блеяния!

Майор ВСУ обиженно заткнулся и тут же сделал шаг назад, уступая место капралу из SAS. Находящиеся на этом участке фронта подразделение – 183 механизированная бригада ВСУ, стояла на своих позициях без движения больше трех месяцев. Участок фронта достался более-менее спокойный. Российские войска, стоящие напротив особых штурмовых действий, не предпринимали, авиация РФ работал здесь крайне редко. Противники обменивались артиллерийскими ударами, периодическими налетами дронов и атаками небольших диверсионно-разведывательных групп. По срав-

нению с другими направлениями, это можно было считать курортом.

Неожиданный прорыв российской группы с последующим разгромом и захватом сразу трех опорных пунктов вызвал у командования бригады шок и панику. Сперва все подумали о целенаправленном прорыве обороны и последующей атаке большими силами, но когда выяснились подробности и оказалось, что российское подразделение, совершившее столь успешную атаку всего, лишь какие-то отморозки, выступившие против своих же то всё успокоилось. На помощь к 183 бригаде ВСУ прибыли специалисты по психологической работе и пропаганде, которые с помощью радиопереговоров и громкоговорителей принялись убеждать россиян к сдаче.

Опорный пункт, захваченный русскими, взяли в плотное кольцо окружения и стали выжидать. Для себя руководство 183 бригады решило, что даст русским неделю на размышление и если те не сдадутся, то подвергнут позиции противника методичным обстрелам, которые приведут к разрушению всех наземных построек. После чего уже можно будет подойти вплотную под прикрытием танков и зачистить опорник.

При этом командование 183 бригады пришло к такому решению не из-за желания сберечь собственных подчиненных, которые могли погибнуть при штурме русских позиций и уж тем более не из-за любви к русским солдатам. Нет, все было проще и прагматичней – пока батальонный опорный

пункт не отбит, то все, кто погиб в бою с русскими числятся пропавшими без вести, соответственно их семьям не положена выплата похоронных, а это, между прочим, по пятнадцать миллионов гривен на каждого погибшего. Сумма весьма внушительная, если перевести её в доллары, то это чуть больше четырехсот тысяч долларов, а если в российские рубли, то почти тридцать семь миллионов рублей. За сохранение бюджета командир каждого воинского подразделения в ВСУ получает более чем щедрое вознаграждение от вышестоящего командования.

В общем как не погляди, если не лезть на штурм российских позиций, то всем от этого только польза. А, русские? Ну что с ними будет? Харчи закончатся, сами в плен сдадутся. Голод не тетка!

Но на третий день в расположении 183 механизированной бригады появились специалисты из SAS в количестве десяти бойцов под командованием пожилого, седовласого капитана, вместе в ними прибыла рота недавних курсантов и слушателей их же курсов подготовки личного состава – сплошь молодые и горячие украинцы, мотивированные на активные боевые действия.

Все мечты и планы командование 183 бригады ВСУ на выгодное в финансовом плане длительное выкуривание русских с опорного пункта пошло прахом. Вместо этого вышестоящее командование в лице командующего этим участком фронта обязало всячески содействовать прибывшим англи-

чанам и их команде, вплоть до полного уничтожения собственного личного состава, если того пожелают специалисты из 22-ого полка SAS.

– Всем выйти, оставьте нас с капралом наедине! – приказал капитан Берк.

– Господин капитан у меня есть собственный взгляд на недавний бой с русскими, – начал капрал Ковальский.

– Кто бы сомневался? – хмыкнул седовласый капитан.

– Так, вот, – прокашлявшись начал доклад капрал. – Русских обложили плотно, два кольца с нашей стороны и три кольца со стороны тыла, если вдруг россияне надумают прорываться к своим товарищам. За два дня мы смогли выявить все их огневые точки, «сесть» на их волны в эфире, так же определили места, где расположены их камеры для слежения. Дистанционно перехватили сигнал с камер, сумев в нужный момент останавливать картинку. Так же были опознаны частоты, на которых работают их БПЛА. В общем все было готово для скрытого штурма. Вчера ночью специально вывели группы местных вояк, чтобы они на виду у русских провели ротацию на одном из своих опорных пунктов. Тут надо отметить, что русский пулемётчик показал себя настоящим волшебником, он сумел на дистанции в 1500 метров произведя девять выстрелов из крупнокалиберного пулемета НСВ «Утёс» поразить три цели. Это блестящий результат! Как мы и предполагали на следующий день русские выдвинули в район обнаружения группы ВСУ своих разведчиков,

которые скорее всего должны были сорвать операцию по эвакуации раненых. К этому времени рядом с вражескими позициями уже была сосредоточена наша группа в количестве десяти бойцов: капрал Джейсон, сержант Хаскинс и восемь курсантов, – «курсанты» было произнесено докладчиком с таким пренебрежением будто бы речь шла не о британских союзниках, а о каком-то расходном материале. – По нашему замыслу, когда вражеская ДРГ прошла бы мимо, то через некоторое время по ним бы нанесли удар из минометов, вследствие которого им пришлось бы вернуться назад и наша группа захвата, предварительно отключив камеры слежения ворвалась бы на вражеские позиции вслед за российской разведгруппой. И вот тут начались странности. Во-первых, группа русским зачем-то разделилась, один из разведчиков не пошел с остальными и остался в непосредственно близости от места расположения нашей группы захвата.

В этот момент капрал Ковальский клацнул кнопками на ноутбуке и на экране возникло изображение с камер беспилотника, который во время вчерашнего боя барражировал в небе. Докладчик приблизил картинку и стали видны подробности боестолкновения с русскими.

– Капрал, а почему он ползает по земле? – нахмурился капитан, разглядывая действия российского военного, который зачем-то ползал по земле собирая что-то.

– Я не знаю господин капитан, – пожал плечами капрал. – Возможно это какая-то военная хитрость или заранее огово-

ренный прием, но именно после этого, он вдруг резко начал стрелять по месту, где лежали два наших разведчика, непосредственно капрал Джейсон и сержант Хаскинс. Первой же очередью из автомата этот русский убил Хаскинса и ранил Джейсона. Это было неожиданно, остальные бойцы в штурмовой группе не успели среагировать, а русский вместо того, чтобы отступить, тут же принял бой и начал стрелять в остальных наших солдат. Какое-то врем он вел бой в одиночку против восьми стволов, постепенно отходя назад. Во время перезарядки его достали залпом из подствольного гранатомёта и этот русский заткнулся. Поскольку наша группа была выявлена, то её бойцы согласно приказу начали отступать назад, у них был один раненый и они его транспортировали в тыл. Тела Хаскинса и Джейсона, эти трусы решили бросить. В этот момент русские на опорном пункте поняли, что у них под самым носом оказалась наша группа и они вступили в бой, начав закидывать этот район выстрелами из гранатометов. Потом в дело вступили 82-мм минометы. Русские видимо хотели захватить нашу группы живьем, потому что мины ложились на пути отступления наших штурмовиков, отрезая им пути отхода. Чтобы не дать нашим штурмовикам попасть в плен, мы открыли массированный огонь из 120мм минометов, подавили вражескую батарею, а также накрыли все их заранее выявленные огневые точки, а потом и места сосредоточения вражеских солдат, в том числе и местность, где в этот момент находилась разведгруппа противника в количе-

стве трех бойцов. Путь отхода нашей группы был расчищен и когда они уже почти покинули поле боя, то тот русский боец, которого мы считали убитым с помощью автоматического гранатомёта уничтожил всю нашу группу. В упор выпустил не менее двадцати гранат. Спустя какое-то время наш БПЛА заметил, что возле трупов наших солдат копошится один из русских разведчиков, видимо он их досматривал на предмет сбора трофеев. Я отдал приказ, чтобы украинские артиллеристы смешали местность, где лежали трупы наших солдат с землей, потому что нельзя было допустить, чтобы в руки противника попало ценное оборудование и фотографии, иначе враг догадался бы, что мы хотим некоторых из них захватить живьем, – закончил свой доклад капрал Ковальский.

– Правильно, согласен с таким решением, – утвердительно кивнул седовласый капитан. – Зная тебя капрал, – хмыкнул командир, – предположу, что всё что ты мне сейчас доложил – это официальная версия произошедшего. А теперь, изволь, изложи свои мысли.

– Мои мысли следующие, – замявшись на секунду, будто бы перед решительным прыжком в неизвестность, произнес капрал, – русские засекли нашу группу еще на подходе и все было спланировано ими заранее. Их единственная ошибка, хоть это и не ошибка вовсе, а скудность сил и средств, то, что они долго тянули с захватом нашей группы. Потеряли время, в итоге наша батарея уничтожила их минометы и прижала к

земле. Поэтому им и не удалось захватить нашу группу, ну, а то, что русский смог с помощью АГС убить всех наших – то это чистое везение и безалаберность бойцов нашей группы, которые не произвели контроль и не убедились, что противник уничтожен.

– Значит, все так же продолжаешь считать, что это не мы охотимся на русских, а они на нас?

– Так точно, господин капитан, я продолжаю считать, что этот отряд русских всего лишь приманка, которую поставили на нас. Этот русский отряд никак не похож на загнанный в угол крыс. Опять же все эти непонятности в поведении русских разведчиков. Думаю, что все это военная хитрость русских!

– Ага, – грозно насупившись, произнес капитан Берк. – И что нам, по-твоему, надо сделать? Сбежать, испугавшись русских?

– Никак нет, господин капитан, наоборот, зная, что русские хотят взять кого-то из наших в плен, мы используем это в своих целях. Я предлагаю усилить напор на русских: будем их дергать с разных сторон, выманивая на себя, а как только их очередная группа выйдет из укрытия, то мы их отрежем огнем артиллерии и захватим в плен.

– Допустим, – кивнул капитан, – но если среди захваченных не будет тех двоих кто нам нужен, то что дальше мы будем делать?

– А дальше мы выйдем на связь с русскими и предложим

обмен: мы им захваченных сослуживцев, а они нам, допустим, трупы убитых солдат ВСУ. При подобном обмене в любом случае будут присутствовать командиры россиян, а значит, сто процентов будет кто-то из тех двоих кто нам нужен. А дальше дело техники, захватим во время обмена.

– Хороший план, – довольно цокнул капитан, – просто и выполнимо. Капрал ты назначаешься старшим, пока меня не будет. Вернусь через три дня, есть у меня кое-какие наметки, – задумчиво произнес седовласый командир, – если русские так любят мародерку, то почему бы не воспользоваться их слабостью? Кого планируешь привлечь к операции? Нужна помощь? Вызывать подкрепление?

– Пока нет, господин капитан, думаю справимся своими силами. «Амазонки» будут дергать противника с дальней дистанции, а я и еще пару бойцов захлопнем крышку капкана.

– Не жалко девушек в бой отправлять?

– Жалко, но нужна ротация, а то эти уже приелись.

– Понимаю тебя, капрал, – сладострастно ухмыльнулся пожилой капитан

Женщин в рядах ВСУ было много, намного больше чем в рядах ВС РФ, где их тоже хватало, но все-таки было в разы меньше, чем в украинских войсках. Так же отличались и направления, на которых были задействованы женщины военнослужащие. Если в армии РФ, это были в основном медицинские и тыловые части, то в ВСУ женщин хватало и в штурмовых пехотных подразделениях находящихся непо-

средственно на линии боевого соприкосновения.

Отличительной чертой этой войны, со стороны ВСУ является то, что в ней очень большой процент военнослужащих-женщин, которыми украинское командование пытается восполнить нехватку мужчин. Видимо, работа военкомов вызывает уже напряжение в обществе, вот и придумали выход. Укропропаганда приложила большие пиар-усилия по созданию образа женщины-воина, одетой по последнему слову военной моды, крутой и опасной.

Феноменом данное событие не было, во всяком случае в античные времена. Любой школяр помнит о женщинах-воительницах в трудах древнегреческого историка Геродота, есть немало упоминаний о присутствии неистовых леди в родоплеменных «армиях» скифов, поздних тюрок и обитателей Кавказа, в Африке, Южной Америке, островах Океании и так далее. Немало легенд оставлено о воительницах германских народов, валькирии в разных ипостасях являются отличительной чертой любых индоевропейских эпосов. Где в качестве морального фактора, а где с мечом.

Нужно понимать, что «воительницы» появлялись неспроста в мифах и легендах, просачивались они туда по двум причинам. Первая – архаическая организация общества, когда супруги, дочери и родственницы женского пола были вынуждены наследовать высокопоставленным мужчинам, по разным причинам не оставившим мужского потомства. Для занятия места вождя, царя, объединения племён и родов.

Приходилось становиться военным руководителем, управлять походами, вести войны. Второй тип «женщины-воина» формировался … как в Израиле сегодня, когда народ или этнос окружён более многочисленными врагами, в строй должны становится всё.

Капитан Берк до недавнего времени был против участия в боевых действия женщин, категорически против. Уж английских женщин, из числа чистокровных британок он бы точно не хотел видеть в боевых частях. Попав на Украину пожилой капитан изменил своё мнение об участии женщин в войне.

Средняя женщина серьезно уступает по своим физическим возможностям среднему мужчине. Поэтому их служба в пехоте малоэффективна. Нет, отдельные «леди» способны на многое, но в своей основной массе они мало пригодны, чтобы бегать с полной выгрузкой по полям. В то же время существуют те области военного дела, где женщины преуспевают.

Если не брать во внимание опыт русских, которые в годы Второй мировой войны массово использовали женщин, как снайперов и летчиц, то в британской армии женщины чаще всего наиболее эффективно служат в штабах. Женщины способны демонстрировать высокие аналитические способности, что востребовано в военной сфере. При этом их тип мышления ощутимо отличается от мужского. Это не плохо и не хорошо. Все просто несколько иначе. В результате воз-

никает возможность работы в связке. Сотрудники аналитических отделов в армии – это мужчины и женщины. Такое сочетание повышает эффективность их труда.

Есть современный опыт использование женщин в армии в качестве обычных пехотинцев оправданно, если противник – бойцы ИГИЛ. Для последних самое ужасное, что может с ними произойти, – погибнуть от руки женщины. Тогда не стоит ждать ласк на небесах. Был случай, когда в Сирии столкнулся отряд, состоящий из курдских женщин, с бойцами ИГИЛ. Последние предпочли дать деру.

Когда заходили в Афганистан в начале «нулевых», то в полку, где проходил службу капитан Берк, женщины были только в штабе. На тренировки они не ходили. Когда полк добрался до Афганистана, оказалось, что в полку женщин нет. Их всех оставили дома. Правильно, местные с ними даже не стали бы разговаривать. Традиции!

В современной армии пол не имеет глобального значения. С дальнейшим развитием военных технологий это различие полностью сойдет на нет. На первый план выходит интеллект. Не нужно быть физически слишком сильным, чтобы управлять тем же дроном. С этой задачей может справиться любой без привязки к конкретному полу. Главное, обладать определенными навыками и некоторой долей сообразительности.

Британские инструкторы из SASактивно привлекали молодых красивых украинок на свои курсы, обещая им, что

лучшие выпускницы, которые покажут наилучшие результаты…в постели с английскими вояками поедут на дальнейшую стажировку в Англию, где и вовсе смогут остаться на ПМЖ.

В общем, кому война, а кому и сплошная выгода! Англичане, как и сто и двести лет назад воспринимали туземных женщин как объект сексуального насилия и неважно, что на дворе уже двадцать первый век, а перед британским военным не чернокожая или желтокожая барышня из Индийской или Африканской колонии, а вполне себе современная жительница Восточной Европы. Англичанам всё равно, для них всё, как и в былые века их колониального господства – все, кто не англосаксы – те туземцы, низшая каста, с которой можно делать все, что заблагорассудится белому господину.

Можно отправить на убой десяток молодых украинок, чтобы освободить место для новой партии «живого товара», потому что вокруг всегда есть девушки, которые красивее тех, что у тебя сейчас в подчинении, особенно, когда дома капитана Берка и капрала Ковальских ждали некрасивые и опостылевшие жены, у которых из плюсов было только их чистокровное британское происхождение.

Украинским командирам из высшего звена и политикам, которые сейчас заправляли в военном деле тоже было плевать на женщин, им главное было заманить на фронт как можно больше людей – расходного материала, «мяса», причем совершенно не важно какого пола это «мясо» будет.

Главное, чтобы оно было! Иностранным партнерам необходимо чтобы конвейер войны работал, чтобы боевые действия не сбавляли оборотов. А сколько при этом молодых украинок, способных рожать, любить, мечтать погибнет или останется инвалидами на всю жизнь украинским политиками, генералам ВСУ и иностранным партнерам из НАТО было плевать.

Глава 6

Главный бункер нашей крепости шумел, как пчелиный улей, в котором мед забродил, превратился в медовуху и пчелы всем скопом спились и начали веселиться. Каждый боец «Десятки» считал своим долгом высказать свой респект и уважение Коку. Степанов сейчас выступал в роли рок-звезды, которая попала в толпу фанатов. Витьку смыкали в разные стороны, кричали в ухо, хлопали по плечам, совали в руки всякие подарки и хвалили, хвалили, хвалили…

Ну еще бы ведь он, баловень судьбы, мать её так, сумел каким-то немыслимым образом выскочить как чертик из табакерки и загандошить вражескую ДРГ в полном составе. Да не просто, как любил высказался Бамут: «купировать угрозу огнем из пулемета», нет, Кок все сделал эффектно и по кровожадному красиво – всадил двадцать пять ВОГ-17 прямой наводкой в укропов. Вообще-то АГС-17 чаще всего стреляет по навесной траектории, забрасывая гранаты на дистанцию до двух километров, а вот так, чтобы им стреляли практически в упор на дистанции менее чем в сто метров, такое, конечно, редкость.

– Кок! Кок! – задыхаясь от смеха кричал Джокер. – А скажи, зачем ты там по земле ползал?

– Да, я же уже сто раз повторял, что увидел укроп и крапиву, хотел насобирать и в супчик покрошить…

– А-ха-ха! – взрывался тут же бункер громом смеха. – Укропа накрошить! А-ха-ха!

Фраза действительно двусмысленная и в определённом, «чёрном» смысле смешная – Кок хотел накрошить укропа для супа, а вместо этого из автоматического станкового гранатомета накрошил семь укропов, в прямом смысле этого слова. Из бойцов вражеской ДРГ никто не ушел живым, все семеро полегли в общей кровавой мясорубке, которую устроил Витька Степанов по прозвищу – Кок.

Кок был героем дня, он смог уничтожить девять вражеских диверсантов. Двоих застрелил из автомата, еще семерых уничтожил из АГС-17.

– Поднять «собаку» на бруствер было самое простое, – пожал плечами Кок. – Я когда в заводской столовке сразу после техникума работал, то там как раз кастрюли были на шестьдесят литров, а это считай под семьдесят килограмм веса. Такую дуру, конечно, надо вдвоем тягать, но бывало и в одиночку поднимал. У тут, на адреналине, веса вообще не заметил, выдернул из тайника, поставил на бруствер и высадил «улитку» одной очередью.

– Молодец! – похвалил я Кока. – Так! Мужчины!!! – повысив голос, обратился я к ликующим бойцам «Десятки». – Хватит тут радоваться. Кок, конечно, молодец, спас нас от эпического затыка, но в целом, мы знатно обосрались, больше всех, конечно, я, но и остальные не лучше. По факту, к нам вплотную незамеченной подошла укропская ДРГ! Если

бы не счастливый случай, то загасили бы всех нас!

– Псих, как такое могло получится? – спросил Глобус. – А как же камеры слежения?

– Скорее всего противник контролирует их, я просмотрел камеры в секторе, где был бой, там был небольшой период – в пять минут, когда картинка была статична, но заметить это можно было только просматривая изображение в ускоренном режиме. Получается, что противник смог подключиться к нашим камерам, а это значит, что доверия к ним больше нет. Так что с этого момента выставляем дополнительные караулы и «стоим на ушном». Так же все переговоры только по «тапкам».

Да, надо отметить, что наличие камер слежения расслабило нас, слишком доверились технике. А зря!

При планировании любых мероприятий в зоне боевых действий надо учитывать возможное наличие видеокамер. Они могут быть, как в лесу: купольные, окрашенные под цвет местности, например, на деревьях или столбах, так и на стационарных объектах: заправках, сотовая вышка, просто какое-то здание или дом. Камер у хохлов, как у дебила соплей, то есть завались!

Поэтому если есть возможность, то необходимо назначите подготовленных ответственных солдат, которые после боя проведут обследование захваченных объектов или района на предмет наличия камер видеонаблюдения, жестких дисков или смогут разобраться, что данные видеозаписи передают-

ся на "облачное"хранилище, и предоставят вам какие рекомендации, как быть дальше.

Необходимо назначить военнослужащих, которые получат задачу по уничтожению камер видеонаблюдения в ходе боя, вывода из строя системы видеонаблюдения или удаления накопителей информации. Один из признаков наличия видеокамеры на объекте – это Wi-Fi. Если вы знаете, что там есть точка доступа, роутер, то грех не проверить местность на наличие камер. Особенно если где-то рядом с позициями обнаружилась антенна связи. Поиском и уничтожением видеокамер на путях выдвижения групп могут заниматься снайперы. В этом им могут помочь различные приборы и программное обеспечение – анализаторы спектра или специальные приложения.

На позициях ВСУ можно обнаружить системы видеонаблюдения, работающие, как на обычном Вай-Фай-роутере, так и на спутниковом терминале StarLink. Включенный Wi-Fi терминал засекается анализатором спектра на расстоянии до 3 километров, средствами РЭБ и БПЛА – до 10 километров. Антенну StarLink могут прятать в яму размером 1x1x1 м, чтобы не допустить визуального обнаружения и защитить от осколков и прямого попадания во время обстрела. Также для сокрытия применяют маскировочные сети и черные пакеты. На земле засечь антенну можно анализатором спектра на 14 ГГц, расстояние небольшое – 50-60 метров. Беспилотник может засечь StarLink, если только пролетит прямо над

ним.

Тарелка StarLink нагревается до 40 градусов, поэтому в холодный период, вероятнее всего, видна в тепловизоре. Длина антенного кабеля составляет 30 метров, при этом его наращивают до 60 метров для установки антенны дальше от позиции.

В общем если знать где искать, то всегда можно обнаружить вражеские камеры слежения. А поскольку противник владеет теми же сведениями и навыками, что и мы, то не удивительно, что наши камеры были засечены и взяты под контроль.

Будет для нас наука на будущее!

– Псих, – утащил меня за рукав Бамут в сторонку, который только вырвался из плена Жака. – Есть пара моментов, которые надо обсудить наедине.

– Что случилось? – спросил я, как только мы скрылись с пулеметчиком в моем командирском закутке.

Бамут вместе с Пестиком и Хребтом вернулись полчаса назад, они попали несколько раз под обстрел. Все трое были легко контужены, а Семену еще и плечо посекло осколками, но несильно, всего лишь глубокие царапины, которые Жак тут же обработал, наложив тугую повязку. Так же Док прописал всем контуженным покой и отдых под его присмотром, но Бамут, как всегда, отмахнулся от такого предложения заявив, что у него нет мозгов, соответственно и контузить его не может.

Когда-нибудь эта бравада выйдет Семену боком, потому что контузия – это не просто так, это не сотрясение мозга и к ней нужно относиться серьезно. Ворчу как старый дед!

Контузия – это ведь не просто «сотрясение мозга», но и поражение всего организма, пострадавшего вследствие мгновенного и сильного механического воздействия на разные поверхности тела при взрыве, падении с высоты и так далее. При взрыве расширяющиеся взрывные газы производят удар по окружающим слоям воздуха, сжимая их до высокого давления и плотности и нагревая до высокой температуры. Сжатые слои воздуха, стремясь расшириться, оказывают резкое давление на смежные слои и в свою очередь сильно сжимают их. Происходит скачкообразное повышение давления -температуры и плотности, распространяющееся со сверхзвуковой скоростью. За областью сильно сжатого воздуха появляется зона разрежения с давлением ниже атмосферного.

Это сейчас Бамут бегает и прыгает, как молодой козлик, а неожиданно может – бац!…и слететь с катушек, потому что человеческий мозг – это сам по себе кот в мешке, а после контузии, вообще сферический конь в вакууме!

– Короче, братан, – начал Семен, заговорщически оглядываясь назад, – я с группой, когда отходил, то решил зарулить к тому месту, где Кок расхерячил укропов, ну, там обыскать двухсотых, то-сё.

– Ага, – раздраженно хмыкнул я. – Видел, как ты зарулил

по пути, и противник видел, поэтому и накрыл вас из своей арты. Сеня, твоя любовь к мародерке до добра не доведет!

– А что ты на это скажешь? – с видом триумфатора Бамут сунул мне под нос скомканный кусок бумаги.

Я развернул обгорелый, смятый лист и с удивлением обнаружил на нем свое и Семена фото. Какого хрена? Что, это? Откуда?

– А еще, братан, там десятый укроп был. Подранок, он полз к своим, а я его по пути перехватил, – Сеня светился как свеженадраенное олимпийское золото.

– И?! – поторопил я друга, который излишне долго держал театральную паузу.

– Забыл, – тут же пошутил Бамут, – контузия у меня, ничего не помню.

– Сеня не зли меня, давай уже говори, что выпытал у укропского подранка! Не тяни кота за хвост.

– Не, ну скажи, что я молодец?

– Молодец! Молодец! Доволен?

– Ага. Короче, если в двух словах, то к укропам прибыла группы британских специалистов в количестве десяти штук, а с ними еще полсотни курсантов, и все по нашу душу. Конкретно за тобой и мной приехали. Приказ – взять нас живьем и доставить в Лондон. Хотят поквитаться за расстрел «Эриний». Бритиша не простые, а из 22-го полка SAS.

– Аху..еть! – потрясенно воскликнул я.

– И я того же мнения, – поддакнул Бамут.

– Подранка добил? – спросил я.

– Сделал все так, будто бы он сам помер, бахнул ему двойную дозу обезбола поверх того, что он сам себе поставил. Допрос снял на видео. И заметь вопреки своим принципам даже его снарягу потрошить не стал.

– Герой!

– А, то! – гордо выпятил грудь Семен. – Валерчик, а я тут подумал, а что, если нас сюда изначально отправили только для того, чтобы бритишей на нас выманить?

– Не знаю, – пожал я плечами, – может и так, а может и нет. Ладно, ты иди отдохни, все-таки контузия – это не хухры-мухры, а я пока в тыл отправлю отчет о бое. Про бритишей и наши с тобой фото тоже напишу, поглядим что скажут.

– Плюс, – отозвался Семен и пошел отдыхать, оставив на столе свой телефон.

Я скоренько перекинул на комп нужный файл с допросом пленного, туда же добавил фото скомканной бумажки с нашими рожами и видос с расстрелом украинских вояк в кикиморах. Снабдил все видеофайлы своими комментариями по поводу подавления наших камер укропами и задал несколько десятков вопросов, касаемых нашего будущего, где напрямую спрашивал, нет ли связи между желанием бритишей нас с Бамутом взять живьем и нашим появлением в тылу врага. Все это отправил по специальному каналу связи Косте Особисту. Обычно контрразведчик реагирует на мои запросы и отчеты не особо быстро – самый быстрый ответ прихо-

дил через два часа. Подождал пару минут, нетерпеливо водя мышкой по кругу, ответа нет. Зато оказалось, что еще вчера «капитан» Костя скинул мне очередную порцию информации, на основе которой я должен был сварганить ежедневное обращение для социальных сетей с разоблачением воровства в российских государственных структурах.

Вся эта возня с видеообращением, стримами и роликами, где я «рубил правду матку» мне все больше и больше не нравилась. С одной стороны, конечно же круто, когда укропы вдруг перестали нас кошмарить сразу же после выхода первого ролика, но вещать всё это дальше не хотелось. Копаться в этом дерьме откровенно противно. Идет война, парни гибнут на фронте, в Донецке и приграничных городках и поселках гибнут мирные жители, в том числе и дети, а где-то в тылу какая-то чиновничья мразь жирует на том, что кроит себе в карман.

Для успешного, впрочем и не для успешного, а просто для ведения боевых действий нужно много денег. Причем не просто много, а очень-очень много дохреналлиардов! Ну и как вы сами понимаете, если, где-то есть бурный денежный поток, то всегда возникают желающие, которые хотят у этого потока отвести в сторонку небольшой ручеек себе в карман. И это, можно сказать нормально, в конце концов, все мы люди, все мы человеки и все человеческое нам не чуждо. Ну, не убудет ведь из большого, бурного потока, если малюсенький ручеек будет струиться на сторону? Нет, конечно!

А если этих ручейков будет не один, а два или три? Тоже не убудет! А если их будет три-четыре…тысячи? Вот тогда убудет! Вот тогда, в том месте, где этот поток будет впадать в большое море, океан или озеро, а в нашем случае в армию РФ возникнут проблемы.

Вот тут и надо чтобы компетентные органы все эти ручейки перекрывали, а тех, кто их организовывает били по рукам. Причем желательно так били по рукам, чтобы головы отлетали в сторону. Потому что иначе мы войну не выиграем. Вот, к примеру, в самом начале Войны, обычные, простые граждане России перевели на нужды фронта своих кровных денег, аж на три миллиарда рублей. Сумма просто гигантская, которая спасла жизни сотен, если не тысяч солдат. На эти деньги покупались аптечки, медикаменты, коптеры, спальники, дронобойки и много чего полезного и нужного на войне. Три «ярда» рублей собрали простые россияне: бабульки, дедульки, простые мужики с завода, училки из школ, врачихи из поликлиник и так далее. Молодцы, чего скажешь, простой народ он завсегда с армией.

А вот по данным Счетной палаты в 2021 году были украдены из бюджета на всякие там «схемы», «мутки» и «наценки» – 300 миллиардов рублей. Триста «ярдов» украли чиновники, госслужащие и прочие бюрократы из казны России за год до войны! Триста!!! То есть если государство не будет давать себя нае..ать, то, и на войну хватит с головой и еще простым людям можно будет денег раздать за здорово

живешь!

Я мельком просмотрел чего там Костя для нас на сегодня подготовил? Ага, ну, как всегда: экс-министр одного из южных субъектов федерации завысил цены на гуманитарку для СВО и стащил 76 миллионов рублей, в соседнем регионе детей-сирот обманули на 50 миллионов рублей при строительстве жилья, полтора миллиарда исчезли из фонда обязательного страхования столицы и столичной области, в одной из южных республик Северного Кавказа так и не смогли найти виновных в хищении одного миллиарда рублей из республиканского бюджета, в соседней, не менее южной и не менее кавказской республике мимо кассы ушли двадцати три миллиона рублей, на северном Урале местные чиновники, а точнее их подельники заработали одиннадцать миллионов рублей завысив цены на сливочное масло для школьных столовых, а в другом регионе умудрились скоммуниздить тридцать миллионов рублей на строительстве базы для ССО, ну, а в конце, как вишенка на торте для сегодняшнего выпуска – из 1,3 миллиарда рублей, которые были выделены для фонда «Защитник Отечества» – 1,1 миллиарда потратят на зарплату самих сотрудников фонда.

Но, если вдуматься в эти цифры и осознать объем воровства, которое процветает в стране, при этом, что страна ведет войну, страна выплачивает все свои социальные обязательства перед бюджетниками, льготниками, пенсионерами, малоимущими и военными, страна строит дороги, мосты,

целые города, страна находится под охренительным гнетом санкций…и при этом всем наша страна Россия еще живет и не развалилась из-за дефолта или революции, то понимаешь, какая же у нас богатая страна! Просто охренительно богатая! Не удивительно, что все остальные страны на земном шарике так нас не любят, особенно европейцы, которые ютятся в своих микроскопических государствах, как тараканы под ковриком в прихожей.

Каждый день в специальный чат, привязанный к одной из распространённых по всему миру сетевых игр, мне приходили письма от Кости Особиста, в них текст, который я должен зачитать на камеру. Первые дни я проверял каждое сообщение, гугля и проверяя информацию, указанную в них, не хотелось навести напраслину на невиновного человека. Нет, все оказывалось правдой и в сети уже были сведения о каждом эпизоде. Правда все это было не на страницах тяжеловесов СМИ, а чаще всего на каких-то региональных порталах, но было. Так же первые дни я старательно посчитывал сумму ущерба, нанесенную мошенниками, коррупционерами и казнокрадами. Обычно доходило до полумиллиарда в день, когда больше, когда меньше. И это с учетом того, что это только те, кто попал в объектив, а сколько ушло «мимо кассы» и о чем общественность никогда не узнает!

Понятно, что все это была правда и каждый день на территории России чиновники, мошенники и прочие мрази из высших, средних и низших эшелонов власти тырят, воруют,

и кроят в свой карман государственный бюджет. Но вытаскивать и озвучивать это на всю страну, а вернее на ту аудиторию, которая меня слушала, мне было тяжело. Элементарно не хотелось во всем этом ковыряться! Явственно чувствовался запах дерьма, который шибает от всей это публики, ворующей и жирующей за чужой счет. Но если так надо для безопасности моих боевых товарищей, которые сейчас сидят в полном окружении, то придётся терпеть и дышать этим зловонием.

Все-таки надо отметить, что план Кости Особиста сработал на все сто процентов. Из-за того, что я каждый день выкладывал в сеть ролики, в которых критиковал российских чиновников, вытаскивая наружу их грязное, коррумпированное белье, ВСУ нас особо не трогали. Почти неделю мы сидели спокойно изредка подвергаясь беспокоящим минометным обстрелам. За это время у нас не было ни одного «трехсотого».

Но похоже лафа закончилась, противник, в лице британских спецназовцев из SAS решил захватить нас в плен. Это плохо! Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что при таких раскладах, что сейчас лежат на столе, мы не можем тягаться с бритишами. Нет, понятно дело, что никто не струсил, лапки вверх мы не поднимем и сами хрена лысого сдадимся. Биться будем до последнего! Англичане еще тысячу раз пожалеют, что связались с нами. Плохо только то, что бритиша вряд ли полезут на штурм первыми, скорее все-

го будут идти позади ВСУ подгоняя их, а сами инструкторы из SAS зайдут на наши позиции, перешагивая через трупы украинских военных, когда мы все уже будем мертвы.

Как это не покажется странным, но второй год ожесточенной, кровавой бойни четко показал, что украинцы особо воевать не хотят. То ли всех идейных уже выбили, то ли изначально так было, но сейчас укропов буквально силком надо тащить на фронт.

Несмотря на ту русофобию, которая поселилась в сердцах большинства украинцев после 24 февраля 2022 года, украинцы почему-то не спешат воевать за «украинский Донбасс», «украинскую Херсонщину и Запорожскую область», а уж про «украинский Крым» я вообще молчу. Рядовые украинцы на второй год войны всячески уклоняются от всех различных призывов.

И как по мне то тут все предельно просто. Человек искренне идет на войну из-за двух факторов: материального или морального.

То есть если война – священная, по определению – правая, за святое дело, за благо всего народа, то не просто можно, а надо идти воевать. Это святой долг любого гражданина. Пусть это и звучит как-то напыщенно и помпезно, но всё так и есть. Чистая психология – человек идущий на войну из-за моральных принципов, просто по-другому не может, его буквально изнутри разорвет если он не пойдет на священную войну. Тут, правда, надо оговориться и уточнить, что таких

идейных всегда мало, не больше десяти процентов. Нет, если, конечно, пропаганда работает хорошо, из каждого «утюга», 24/7 звучат призывы идти на фронт, если гражданин видит, что к фронтовикам везде уважение и почет, то количество таких идейных резко увеличивается. Собственно говоря, пропаганда для этого и нужна. Но все равно число идейных вояк, всегда меньше, чем число материально замотивированных граждан.

Теперь по поводу материально замотивированных граждан, пришедших на фронт. Почему-то в обществе принято считать, что зарабатывать деньги на войне – это стремно, аморально и низко. Ха-ха-ха три раза! Война – это такая же работа. Причем офигенно трудная, кровавая, тяжелая работа. Возможно, вы сейчас скептически усмехнетесь, мол, это и ежу понятно, хули ты тут нам вещаешь прописные истины. Поэтому воякам на фронте и платят по 205000рублей в месяц. Мало что ли?!

Но я все-таки продолжу, возьму в руки калькулятор и приведу ряд цифр. Сколько получает работяга на заводе, работающий в «горячем» цеху или грузчик, который тягает тяжести весь день на свежем воздухе, или, пусть даже госслужащий сидящий весь день в кабинете? Каждый по-своему! Правильно! Поэтому возьмем цифры статистики. Средняя зарплата в России в 2023 году составила 70000 рублей. В этот момент, две трети работающих россиян, живущих в регионах, покрутили пальцем у виска, прекрасно понимая, что у них

зарплата и до полтинника редко дотягивает. Но цифры официальные, других у меня нет. Итак. За сорокачасовую рабочую неделю в России в месяц в среднем платят – 70000руб. Правильно? Соответственно, если человек трудится не сорок часов в неделю, а скажем сто шестьдесят, то чисто математически ему должны платить в четыре раза больше, то есть 280000 рублей. А если учесть, что за сверхурочные надо еще и доплачивать по двойному тарифу, то сумма вообще набегает астрономическая – чуть ли не в полмиллиона рублей. Вот и выходит, что боец, находящийся на фронте, работает 24/7 (160 рабочих часов) без выходных, перерывов и отгулов. Так что 205000 рублей, которые, кстати, еще не всем платят, или забывают выплачивать, или они где-то теряются – это не так уж и много, если учесть все факторы.

К чему это я всё? К тому, что финансовая составляющая весьма эффективно влияет на моральный и боевой дух бойцов на фронте, ни что так не внушает веру солдата в его силы, как осознание крепкого тыла за спиной.

У нас сейчас это есть, а у противника уже нет. Поэтому мы победим, а они проиграют.

Любое государство держится на: сильной экономике, мощной политической системе, идеологии и поддержке извне. Причем поддержка извне никак не влияет на желание украинцев идти воевать. Этот фактор лишь позволяет украинским марионеткам и дальше оставаться у власти. Само собой, нынешний режим долго не продержится, ведь по-

сле утери поддержки извне неминуемо последует новый государственный переворот.

Потому что первые два пункта, которые позволяют создать население, лояльное действующему строю, в Украине напрочь отсутствуют. Украина – это самая бедная страна в Европе. Более того, в случае дальнейшей девальвации гривны, которой не избежать в среднесрочной и долгосрочной перспективе, украинцы будут жить беднее самых нищих народов Африки. Следовательно, за экономику мы ставим Украинскому государству большой минус. Доверие народа падает.

Дальше – хуже. Политическая система Украины представляет собой цирк, где олигархи, прикрываясь демократическими и патриотическими лозунгами, борются друг с другом, уничтожая как экономику, так и то, что когда-то было политической системой Украины.

Нет, олигархи в Незалежной существовали всегда, вот только при Януковиче, Кучме и даже Ющенко, которого явно нельзя назвать пророссийским лидером, олигархи в открытую не воевали друг с другом. Разумеется, наблюдая за подобным хаосом в политической системе, украинец не понимает, за что ему рисковать жизнью.

За этих олигархов, что ли, которые после завершения войны в любом случае нагнут украинский народ? Нет, жизнь ценнее, чем псевдопатриотизм. И большинство украинцев это понимает.

Идеология – единственное, что осталось у киевского правительства. Но речь идет об идеологии ненависти. А ненавидеть всю жизнь – занятие крайне затратное для человеческого мозга.

Кроме того, наблюдая за экономическим и политическим крахом Украины, понимая, что правительство и президент не выполнили ни одного предвыборного обещания, украинец начинает сомневаться в идеологии, которая, конечно же, тоже ложна.

В итоге получаем полный развал системы государственного управления, недоверие и даже ненависть к власти. Украинцы должны понимать, что они защищают. В противном случае никакой войны, выгодной украинским олигархам, быть не может. И киевское правительство это понимает.

Пропаганду стараются усилить, а от идеи мобилизации постепенно отказываются. Вернуть в строй политическую и экономическую системы Украины – в нынешних условиях задача невыполнимая. Идеология тоже идет под откос.

При этом, надо сразу уточнить, что и в России есть: чиновники, которые воруют государственные деньги, олигархи, которые жируют, бюрократы, которые несут дикую чушь. Но, есть одно «но»! В России воруют, тратят, транжирят, разбазаривают свои, российские деньги, свои российские богатства, а в Украине воруют, тратят, транжирят и разбазаривают – исключительно деньги Запада, которые, как ни крути придётся отдавать. И простой украинский Мыкола пони-

мает, что нынешние власти из Киева сейчас сбегут, а отдавать будут его дети, внуки и правнуки. Что это его дочке, внучке и правнучке придется ложиться под британца, поляка, немца или пиндоса, чтобы хоть немного уменьшить выплаты по процентам, это его сыну, внуку и правнуку придётся гнуть спину без выходных и проходных чтобы хоть как-то сводить концы с концами. А мы русские, гуляем на свои! Россия – щедрая душа! Русский мужик он завсегда двух генералов прокормит.

Жалко, конечно, хохлов в каком-то роде, не на тех лошадок они поставили в этом забеге. Хотели как лучше, а получилось, как всегда.

Ну, да, ладно! Накатило, что-то на меня. Вечно, как получу информацию от Кости с фактами казнокрадства, так начинаю рефлексировать и мысли всякие дурные думать. Мы, конечно, русские – богатые, упертые, толстокожие и очень тяжелы на подъем. Можем веками терпеть царей, дворян, политбюро…а потом, в какой-то момент, что-то шибанет в голову и айда громить всё вокруг. Русский бунт – он ведь бессмысленный и беспощадный! Это не я сказал, это еще Пушкин сказал в своей «Капитанской дочке».

Ладно хватит о грустном, пора работу делать. Быстро набубнил сообщение, зачитав его с экрана монитора, скинул в сеть. Просмотрел чат и с удивлением отметил, что от Кости пришёл ответ на мое сообщение о сегодняшнем бое.

Глава 7

Я прочитал сообщение. Удивился, подумал, что неправильно понял прочитанное и еще раз прочитал сообщение. Нет, вроде всё правильно понял. Ага! Даже так. Ну, значит зря я думал криво про Костю, судя по смыслу присланного им сообщения, для него появление английских спецназовцев такой же сюрприз, как и для нас. Правда, от этого если и легче, то совсем не много, потому что где-то там в тылу, где сейчас обитает Особист, решили, что нас надо срочно выводить отсюда:

«То, что англичан задвухсотили –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.